

ДАРА МИР

АНГЕЛЬСКИЙ
МРАК

18+ В СЕРДЦЕ

ДЬЯВОЛА

18+

ИГРА ЗАКОНЧИТСЯ,
КОГДА НАСТОЯЩЕЕ СТАНЕТ ЯВЬЮ

Дара Мир

Ангельский мрак в сердце Дьявола

«Автор»

2026

Мир Д.

Ангельский мрак в сердце Дьявола / Д. Мир — «Автор», 2026

Книги нужно читать строго по порядку. Первая Убита светом, рождена тьмой. Вторая Убит кровью, рождён смертью. Третья книга Ангельский мрак в сердце дьявола. АЛЕКСМогу ли я назвать себя настоящим? Имею ли право, если никто не знает даже моего истинного имени? Я сын Дьявола. Сын того, кто сломал судьбы моих друзей. И потому я продолжаю играть роль холодного ублюдка. Но смогу ли и дальше закрывать глаза на прошлое? Смогу ли ложью спасти Меланиуберечь её от той участи, что постигла мою мать? МЕЛАНИПочему мне выпало столько испытаний? Неужели я действительно это заслужила? Смерть материСмерть отцаИнтернат. И отчим, оставивший во мне рану, которую уже не исцелить. Когда казалось, что всё наконец начинает налаживаться, мой самый страшный страх стал реальностью. Я повторила судьбу моей матери.

© Мир Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	45
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дара Мир

Ангельский мрак в сердце Дьявола

Глава 1

Softcore – TheNeighbourhood

Может, мы слишком молоды для этого?

Словно не могу двигаться.

Делиться тем, что в сердце,

разрывает меня

Мелани, 15 лет

Заканчивая заплетать свои светлые и на ощупь слишком сухие волосы в тугую косу, провожу по прядям рукой, расстраиваясь ещё больше. Волосы сухие по вине дешёвого шампуня и отсутствия маски для увлажнения. Тяжело вздохнув, отталкиваю эти мысли как можно дальше и поправляю манжеты школьной блузки. Никак не могу повлиять на ситуацию и ни за что на этом свете не пойду просить у матери больше денег на шампунь. Тем более у мерзавца Джона.

Мой взгляд останавливается на блеске с вишнёвым оттенком, который позавчера подарила соседка по парте Мэрилин. Если слегка нанести его на губы, это ведь не будет выглядеть вызывающе? Это всего лишь блеск, не помада и тем более не матовая. Уступая соблазну, мед-

ленно открываю блеск, прислушиваясь к звукам в доме. Маме это не понравится. Но совсем немного нанесу, совсем чуть-чуть.

Вдыхаю его сладостный запах, который искушает лизнуть кисточку блеска, но держу себя в руках. Уверена, что не единственная девушка с подобными желаниями в голове. Он слишком вкусно пахнет, чтобы не захотеть его съесть. Приоткрывая губы, наношу лёгким движением руки блеск, парой касаний, слегка прищипывая губами.

Румянец появляется на лице, когда вижу его действие. Этот блеск идеально гармонирует с бледностью моей кожи и светлыми волосами. Не сдержавшись, позирую перед зеркалом, надувая губы и вращая головой в разные стороны, как это делают девушки в TikTok. Всегда хотелось быть раскрепощённой, сексуальной, женственной, но все мои попытки пресекала мать. По её словам, это делает меня шлюхой.

Но на самом деле?

Уверена, она всегда мечтала быть свободной в молодости, как и все девушки, которыми восхищаюсь, но, к сожалению, не получила этого, потому что забеременела мной.

Виновата ли в этом? Нет.

Но мама всё равно срывается лишь на мне, когда должна была думать своими мозгами и пользоваться презервативами.

В первый раз мама подняла на меня руку в тринадцать лет – из-за накрашенных глаз, и теперь боюсь думать, что она сделает, если увидит меня сейчас.

Сморгнув восхищение, появившееся в глазах всего пару секунд назад, тянусь к влажным салфеткам на тумбочке возле деревянной кровати. Но рука падает мимо, когда дверь открывается и мать входит в комнату с полотенцем в руках.

Стоило лишь подумать – и она сразу же появилась.

– Что ты хочешь на обед? Я думаю приготовить... – она запинаясь, не заканчивая предложение, замерев в дверях.

Её зелёные, тусклые глаза сверкают явным недовольством и, что хуже для меня, яростью.

Одна её рука поднимается к светлым волосам, собранным в тугий пучок, и начинает тереть выпавшую прядь. Мама нервничает, и вместе с этим осознанием моя грудная клетка начинает быстро вздыматься.

– Я это сейчас...

– Что ты делаешь?

Её грубый и резкий тон обрывает все мои оправдания.

– Я просто попробовала.

– Попробовала что?

Вопрос мамы звучит с явной угрозой. Она делает медленные шаги в мою сторону, останавливается напротив и приседает на корточки, чтобы мы были на одном уровне. Быстрое сердцебиение оглушает слух. Ненавижу её этот взгляд. Взгляд, который не горит любовью, а только заставляет чувствовать себя грязной.

Медленно киваю, не отводя взгляд от строгих материнских глаз. Она не любит, когда так делаю. В такие моменты называет меня бесхребетной, поэтому приходится смотреть этому разочарованию в лицо, удерживая дрожащие кости собственного тела в неподвижности. Руками сжимаю стул, пытаюсь удержать себя на месте. Если попытаюсь закончить этот разговор и просто уйти, мать ударит. У неё будет приступ ярости, который она никогда не могла контролировать.

– Ты собиралась с этим на лице пойти в школу? Хочешь выглядеть, как все те старшеклассницы-шлюхи? Хочешь, как и они, родить в шестнадцать, испоганив себе жизнь? Или хочешь, чтобы тебя изнасиловали? Твои яркие губы кричат о вызове, Мелани. Это неподобающе для хорошей девочки.

Глаза начинают жечь от жестокости её слов и непонимания.

Она выглядела монашкой, когда начала отношения с моим отцом, и всё равно умудрилась забеременеть. Ей стоило понять ещё тогда, что это зависит не от внешнего вида, а от наших решений.

И я не мама. Никогда не буду такой, как она.

Моя нижняя губа дрожит от обиды внутри, но всеми силами стараюсь сдерживать слёзы. Ненавижу это. Ненавижу, что не могу ничего ответить. Ненавижу эту боль. Почему мама так делает? Почему она не может быть доброй, как мамы других детей? Почему она не любит меня? Почему именно меня винит в том, что разрушила свою жизнь ещё в молодости?

– Нет, мам, – с дрожащим вздохом произношу, крепче цепляясь за стул, чувствуя, как ломаются ногти. Проще согласиться с ней, чем ещё больше усугубить ситуацию и разругаться. – Я правда только попробовала, я собиралась стереть...

Меня снова перебивают, но на этот раз не словами. Жёсткая ткань полотенца врезается в кожу, и она хватается меня правой рукой за затылок, впиваясь короткими ногтями в кожу, удерживая на месте, когда другой начинает вытирать блеск жестокими, грубыми движениями. Первые слёзы брызгают из глаз, стекая по щекам. Губы и кожа вокруг саднят. Мама так сильно трёт, что начинает жечь. Не в силах больше терпеть, отталкиваю её от себя, хватаясь за губы, когда мама падает назад.

Не могу сейчас смотреть на неё. На её недовольство, ярость, разочарование. Пелена слёз, обиды и боли закрывает обзор. Грудь буквально разрывается от обиды.

– Я не воспитывала из тебя шлюху, Мелани, но кажется, догадываюсь, откуда в тебе эти повадки.

От тебя эти повадки, мам. От твоих вечных запретов мне хочется попробовать всё в этой жизни.

Но не говорю эти слова вслух, и она уходит, громко хлопнув дверью. Ещё больше слёз начинают течь из глаз, не успеваю стирать их тыльной стороной ладони, как появляются новые. Едва видно собственное отражение в зеркале, но удаётся заметить, насколько красная теперь кожа вокруг губ и как сильно они опухли.

Как теперь пойти в школу? Как притвориться перед друзьями, что всё в порядке? Что не разрывает от боли и нужды в любви внутри? Как? Но знаю, что смогу сделать вид, что всё хорошо. Всегда получалось. Нет выбора, пока не исполнится восемнадцать. После совершеннолетия уйду из этого дома и буду жить так, как хочу сама.

Делая глубокие вдохи и выдохи, пытаюсь уговорить поток слёз, не думая о матери: это заставит плакать ещё больше, и не уверена, что смогу успокоиться, если обида поглотит целиком. Осталось двадцать минут до школы. Нужно успеть привести себя в порядок.

Дрожащей рукой тянусь к спрятанному на полке консилеру за книгами, выдавливая немного себе на руку, собираясь скрыть эту сторону своей жизни. Никто и никогда не узнает, насколько «я счастлива» в собственном доме. Никто не узнает, что дома хожу на цыпочках и боюсь лишнего слова сказать, чтобы не вызвать скандал. Никто не узнает, что Мелани Патрик – нелюбимая дочь своей матери.

Это просто очередная ссора. Мама забудет о ней завтра, и всё будет более-менее нормально, если буду контролировать свои желания и вести себя тихо. Всё будет хорошо. Чувствую, как обида стихает в груди, когда следы жестокости матери становятся не видны на лице.

К сожалению, никогда не умела долго обижаться на людей – прощаю их уже через пару минут. Мама оставляет во мне глубокие раны, но об этом всё равно забываю, продолжая любить.

Ведь она моя мама, и в глубине души верю, что тоже меня любит.

Просто слишком травмирована, чтобы проявлять это, как другие матери.

Толчок в плечо выводит из тревожных мыслей, которые по кругу возвращаются к ссоре с мамой.

Будет ли она всё ещё злиться, когда вернусь домой? Будет ли игнорировать?

Поворачиваю голову в сторону своей одноклассницы-подруги Сицилии. Правда, её трудно назвать подругой: она не упускает шанса вечно поддеть меня, оправдывая таким образом свой юмор. Поэтому никогда не чувствовала себя комфортно рядом с ней.

– Ты поможешь мне с тестом по математике? – спрашивает Сицилия, мягко улыбаясь и переплетая наши пальцы.

В шуточной манере закатываю глаза и согласно киваю.

Отличница, гордость школы, приношу победы на каждой олимпиаде и остаюсь той самой девчонкой, у которой все списывают, наигранно относясь хорошо ради выгоды. Но могу признать, что в школе меня любят больше, нежели в родной семье.

– У меня есть выбор? – спрашиваю, толкая одноклассницу в плечо, рассматривая наш маленький школьный двор.

Разглядывая их улыбки и смех, мысленно спрашиваю себя: «А так ли к ним дома относятся родители, как ко мне?»

– Нет, ведь ты нас любишь!

Кричат в один голос девчонки.

Сицилия, Лиона, Лаура.

«Обожаю» просто...

Сицилия начинает обнимать и целовать меня в щёки так наигранно, что это вызывает раздражение, которое изо всех сил стараюсь скрывать от окружающих. Девушка резко останавливается, смотря на низ моего лица.

О, чёрт, сейчас начнётся.

– Почему твой подбородок красный?

Её карие глаза прищуриваются, Сицилия наклоняется ещё ближе, обдавая моё лицо клубничным дыханием от жвачки. Мой пульс ускоряется.

Что мне ответить? Какую ложь придумать? Не могу сказать, что мама иногда поднимает на меня руку – сразу же нагрянет опека.

– У меня такой же подбородок после встречи с Колином, – с ухмылкой внезапно произносит другая моя подруга, Лиона, погружая меня в огонь смущения.

– Это не так! – недовольно выкрикиваю, поднимаясь с лавочки в школьном дворе, привлекая к себе всё внимание. – Это самая простая аллергия.

Девочки смотрят на меня с сжатыми губами, но через пару секунд начинают громко смеяться, покачиваясь в разные стороны. Сицилия встаёт со своего места, крепко обняв меня за плечи, продолжая смеяться, как сумасшедшая.

Хочется ей, чёрт возьми, врезать.

– Наша малышка Мелани наконец стала девушкой! – радостно и слишком громко кричит девушка. Настолько громко, что это слышит весь школьный двор, а мои щёки ещё больше пылают, насколько это возможно.

– У Мелани появился парень! Кто он? Кто этот счастливчик?

Продолжает громко говорить Сицилия, погружая меня в эту яму унижения, и прыгает рядом со мной, смотря на меня так, словно должна сейчас от радости повторять за ней.

Но чувствую только, как горят мои глаза. Чувствую унижение, которое ненавижу.

Уже представляю, какие слухи повлечёт за собой этот спектакль:

«Мелани Патрик пришла в школу с красным подбородком после ночи с парнем. Мелани теперь больше не девственница. У Мелани Патрик есть парень».

«Малолетняя шлюха».

Последние слова звучат в голове голосом матери.

Вырываюсь из объятий Сицилии, быстрым шагом, не оглядываясь, забегаю в школу, стремясь укрыться в своём постоянном убежище.

В библиотеке.

В этом месте смогу взять свои эмоции под контроль и забыть обо всём.

Мне осталось лишь молиться, чтобы эти слухи и разговоры не дошли до матери. А они дойдут: наши матери общаются, а девочки вечно всё рассказывают, подставляя меня таким образом. Единственное, что меня тогда будет ожидать, – это ещё больше игнорирования, злобы, наказаний, синяков и удушающих мужских рук Джона, если посмею дать отпор своей маме.

Захлопываю дверь в библиотеку, радуясь, что сейчас все на перерыве, и беру первую попавшуюся книгу по психологии с полки.

«Справлюсь, справлюсь. Всегда справлялась», – мысленно твержу себе, пытаюсь вникнуть в смысл прочитанного.

Осталось лишь дожидаться совершеннолетия, и всё закончится.

Прошло два дня.

Два дня, как игнорирую это унижение, которое всё ещё бурлит внутри. Два дня, как простила девочек и продолжила с ними общаться, хотя это вызывает только ещё больше дискомфорта.

Почему не могу послать их куда подальше? Почему не могу защитить себя? Почему продолжаю прощать в ущерб себе?

«Потому что тогда останешься совсем одна», – шепчет в голове внутренний голос.

Чувствуя, как понижают плечи, открываю дверь в свою комнату. Мама всё ещё не общается со мной, одаривая снисходительными взглядами и молчанием. Она продолжает оставлять для меня еду, гладить школьную форму и класть сладости на тумбочку. Но мама больше не целует меня в лоб на ночь, не хвалит за хорошие оценки, не обнимает перед школой.

Мне так этого не хватает. Мне так не хватает хоть капли её хорошего отношения.

Глаза горят, когда поднимаю их вверх, смотря на свою комнату и беспорядок вокруг.

Нет, нет, нет.

Вещи разбросаны по комнате. Каждый мой шкафчик перевернут. Одежда вывернута наизнанку.

Что мама снова тут искала?

Словно услышав мой вопрос, прозвучавший только в голове, мама появляется за моей спиной, толкая меня в комнату. Приземляюсь на колени, застонав от боли.

– У тебя есть парень, маленькая чертовка?

Не успеваю ещё прийти в себя от шока и боли, как она уже набрасывается на меня с яростным криком.

Поднимая голову, смотрю на неё и отрицательно качаю головой.

Благодаря её усилиям у меня ещё не скоро появится парень.

В считанные секунды мама оказывается рядом со мной, схватив за щёки и больно сжав их.

– Не ври мне!

Её глаза горят такой сумасшедшей яростью, которую вижу очень редко, но всегда, когда она проявляется, мне делают больно. Физически больно.

– Я не вру, – делаю вдох, пытаюсь говорить спокойно. Так устала за последние дни. Очень сильно. Почему всё это обрушивается в один момент, не позволяя даже вздохнуть? – Девочки заметили мой красный подбородок и распустили слухи.

Мама сильнее сжимает мои щёки, а её другая рука, не держащая меня, начинает дрожать.

– Почему твой подбородок был красным? – слегка встряхнув меня за лицо, тихим голосом спрашивает она.

Этот голос несёт для меня прямую угрозу.

Мама всегда делает вид, что не применяла ко мне физического насилия. Делает вид, что этого вовсе не было и что виновата я. Так всегда. Абсолютно каждый раз.

– Потому что ты тёрла его полотенцем.

Голос звучит слишком грубо и резко от обиды и несправедливости по отношению ко мне, но осознаю это только тогда, когда мою голову резко отбрасывает в сторону от удара. В ушах звенит от его силы, а голова болезненно пульсирует. Больше не могу этого терпеть. Не могу.

Когда мама снова нависает надо мной с тем же яростным взглядом, подрываюсь на ноги, отталкивая её с такой силой, что она падает на пол с громким стуком. Одна рука подлетает к горящей от удара щеке, медленно растирая это место. Мама снова это сделала. Она снова ударила меня по лицу.

– Что тут происходит?

Резкий голос Джона в дверном проёме привлекает моё внимание. Он на секунду задерживает взгляд на моём лице, совсем не обращая внимания на следы удара на щеке и слёзы. Мужчина помогает маме подняться, и теперь они оба смотрят на меня, как на врага.

– Ты совсем забыла, что такое уважение, – качает головой, с разочарованием произносит мать.

Делаю шаг вперёд к ним, не в силах выдержать эту обиду внутри, которая разрывает на мельчайшие кусочки.

– Ты ударила меня!

Джон отпускает маму, заводит руки за спину и делает пару шагов в мою сторону.

– Ты толкнула мать?

Они совсем меня не слышат, игнорируя предыдущие слова.

– Мама, ты опять ударила меня по лицу!

Вновь кричу, надеясь быть услышанной. Надеюсь на долю раскаяния в её яростных глазах. Но мой крик окончательно сносит крышу Джону. В следующую секунду мужские, липкие руки смыкаются на моей шее, повалив на пол.

Ну вот, это снова происходит. Снова не услышана. Снова виновата. Снова страдаю только я.

За что мне это?

Воздуха всё меньше, открываю рот, начиная задыхаться от давления Джона. Но не сопротивляюсь, позволяя пустоте поглотить меня. Смотрю только на его внешне приличный вид: чистая лысина, очки, светло-карие глаза – но за этим образом скрывается самый настоящий псих, не умеющий контролировать себя.

Глаза закрываются, когда кислород перестаёт поступать в лёгкие, и накрывает темнота, в которой становится тихо.

Я устала.

Не хочу жить.

Не хочу.

Глава

2

Dollhouse – Melanie Martinez

Вижу то, что больше никто не видит

Алекс (Айзек), 7 лет

Заканчиваю свой рисунок, уставившись на солнце, сидя на бетонном полу, холод которого пронизывает мои кости. Пальцы слегка дрожат, но не жалею – этой девочке нужна моя куртка. Её тело слишком худое, чтобы выдержать атмосферу подвальной комнаты, и всё ещё не понимаю, почему папа так жесток в наказаниях. Она ведь может умереть.

Смотрю на свои руки, покрывшиеся жёлтой пылью от мелка, и широко улыбаюсь. Мама была права, когда говорила, что рисунки всегда согревают душу, особенно когда первый раз взял в руки синий карандаш и нарисовал облака.

Поворачиваюсь назад, но радостная улыбка исчезает, как только вижу злость на лице девочки.

– Не греет? – спрашиваю, указывая пальцем на рисунок.

Если рисунки греют душу, то, может, удастся согреть эту девочку?

Чёрные глаза пронзают злым взглядом. Слышал слухи о ней. Папины люди говорят, что её чёрные глаза мертвы и что она не выживет. Говорят, что ей не выдержать. Но почему они так говорят? Сколько ни спрашивал, никто не даёт ответа, отмахиваясь рукой, будто знают какую-то грязную тайну.

Обиженная ухмылка появляется на её лице. Голая кожа грязная, кости слишком сильно торчат, а волосы спутаны. Замечаю засохшую кровь на её ногах. С нахмуренным выражением она пытается снять мою куртку, но резко хватаю её за руки, останавливая. Девочка дёргается под моим натиском, дрожа всем телом. Так сильно, что сам пугаюсь и быстро отпускаю её худые руки.

– Не снимай! – кричу, ощущая страх, что мог причинить ей боль, как и друзья папы.

Но ведь только пытаюсь ей помочь. Не хочу, чтобы девочка умерла.

– Тебе нельзя здесь быть! – тихо кричит она в ответ, её голос хриплый, как у папы, когда он кричит на маму.

Девочка со всей силы отталкивает меня от себя, и больно приземляюсь на бетонный пол.

– Я хочу тебя спасти, – со слезами на глазах признаюсь.

Видел смерть в этих стенах. Смерть своих друзей. Не хочу больше её видеть.

Девочка качает головой, всё-таки снимая куртку. Её руки покрыты ранами, которые выглядят как укусы – такие же, как остаются у меня после Ричи, пса мамы. Кто мог покусать её?

– Я старше! – упрямо и сдержанно говорит она, поднимаясь на ноги и топая по бетонному полу. – Значит, должна всех спасти.

Встаю следом, задирая подбородок. Она намного выше меня.

– Сколько тебе лет?

Девочка теряется от моего вопроса, её брови сходятся вместе.

– Не знаю, я не знаю, – слегка отчаянно отвечает, рассеянно пожимая плечами. – Но я выше тебя, значит, старше. Должна тебя защищать.

– Если ты выше, это ещё не значит, что ты старше. Я мужчина, значит, должен помочь тебе!

Чёрные глаза вновь вспыхивают, её маленькие, с разодранными костяшками кулаки крепко сжимаются.

– Мужчины плохие и причиняют боль!

Эти слова глубоко ранят мои чувства. Ведь хочу ей помочь. Не отец. Не его друзья.

Я не плохой. Так сказала мама, а она никогда не врёт мне, только папе.

Но мой взгляд падает на её окровавленные ноги, и замечаю такие же укусы, как и на руках.

– Это сделали друзья моего отца?

Мой палец указывает на её ноги, и девочка делает быстрые шаги назад.

– Убирайся! Убирайся!

Её крик заставляет подпрыгнуть от неожиданности. Лицо девочки искажено таким сильным гневом, что это вызывает у меня слёзы, которые папа ненавидит.

Девочка боится меня.

– Я не причиню тебе вреда, – сдавленно произношу, опуская голову ниже и скрывая слёзы.

Мама говорила, что не должен показывать свои чувства людям. Это обезопасит меня от предательства. Ведь люди всегда бьют в уязвимые места.

Этот совет мамы хорошо запомнил.

– Но он причинит тебе вред, если ты не уйдёшь сейчас же.

Резко поднимаю голову и вижу, что теперь она опустила свою, не желая смотреть на меня. Её грудная клетка быстро вздымается, а сжатые кулаки дрожат. Девочка плачет? Собираюсь что-то сказать, но мягкий голос матери звучит в коридоре, и едва удаётся уловить её слова:

– Айзек, сынок, ты где?

Хорошо, что это мама, а не папа. Иначе нам с девочкой не поздоровилось бы.

Она толкает куртку ногой ближе ко мне, и поднимаю её, быстро натягивая на себя. Пора уходить.

Девочка медленно отворачивается от меня, будто ей стоит огромных усилий сделать это. Направляется в сторону тонкого матраса в конце комнаты.

Тоже отворачиваюсь, чувствуя боль в груди, и собираюсь покинуть комнату наказаний, куда папа помещает непослушных детей. Но напоследок говорю, всё ещё не теряя веры в нашу дружбу:

– Надеюсь, солнце согреет тебя.

С поникшими плечами открываю дверь, не ожидая уже услышать ответ. Но она даёт его в последний момент:

– Невозможно согреть то, что мёртво.

– Сын, – грубо зовёт меня отец, но лишь опускаю дрожащий подбородок ещё ниже. – Айзек! – его голос звучит теперь ещё громче, яростнее.

Поднимаю голову и сталкиваюсь с его холодными, ледяными глазами. Мама говорит, что у меня его глаза. Она сказала это со слезами, долго обнимая меня после этого, продолжая плакать и мочить мою любимую футболку с изображением собаки с высунутым языком. Люблю животных. Очень сильно. Наверное, это от мамы, потому что папа их ненавидит.

Бросаю быстрый взгляд на маму в поиске поддержки. Она стоит за спиной отца, сжимая и покусывая губы, стараясь скрыть страх. Мама боится, как и я. Папа встретил нас в коридоре, когда выбежал из комнаты девочки. Он этого не выносит. Не выносит моей доброты.

– Что я тебе говорил? – его голос становится тихим, когда он обхватывает мой подбородок худыми пальцами.

– Эрик, – аккуратно произносит мама, протягивая руку к его ладони, но так и не касаясь её, оставляя висеть в воздухе. – Он ещё слишком мал, чтобы понять, что ты от него хочешь.

– Закрой рот, – предупреждает он, даже не взглянув на неё.

Мама начинает дрожать за его спиной. Она всегда говорит мягко, а он срывает злость на ней. Мне это не нравится. Но если заступаюсь за маму, всё становится только хуже. Поэтому молчу.

Папа резко встряхивает моё тело, держа за подбородок, требуя ответа.

– Ей холодно, – в тон его тихому, злому голосу отвечаю, не отводя взгляда. – Она бы умерла, папа. Её кости сильно торчат, а кожа бледная. Девочке нужна помощь.

Мои слова злят отца ещё больше.

Закрываю глаза, готовый к его удару. Папа сказал мне однажды, что будет бить каждый раз по голове, когда в неё приходят эти безрассудные, добрые и бессмысленные мысли. Наверное, поэтому мама постоянно скрывает синие пятна на лице тональным кремом, который нашёл на её тумбочке в спальне? Она у меня очень добрая. Папа не теряет надежды, что причинение мне боли поможет выбить из меня то, что досталось от матери. Но у него, видимо, не выходит, раз продолжаю бегать к девочке.

К моему удивлению, когда открываю глаза после долгой тишины, отец отпускает мой подбородок и хватает за руку, разочарованно покачав головой.

– Это всё твоя вина, Мария, – огрызается он на маму, отталкивая её с прохода свободной рукой.

Видимо, это было больно, потому что мама поморщилась.

– Если Айзек станет таким же, как и все предыдущие, ты сама знаешь, что его ожидает, – папа замолкает, бросая на меня взгляд, полный неприязни. – Всё зависит от тебя. Или я избавлюсь от него.

– Нет, ты не можешь этого сделать! Нет, прошу тебя!

Удивлённо смотрю на маму, которая впервые повысила голос. Она никогда не кричала на папу. Никогда.

Но что папа имел в виду?

Не успеваю спросить маму. Папа быстрым шагом ведёт меня вглубь тёмного коридора, игнорируя мамин крик.

Мы сталкиваемся взглядами, и она качает головой, поднося палец к губам. По её щекам стекают слёзы. Это просьба быть тихим, молчать, чтобы обезопасить себя.

Входим в большую комнату, где на обшарпанных, старых диванах сидят друзья папы. На их коленях расположились маленькие девочки, с которыми дружим втайне от моего отца.

Во что они собираются играть?

Сталкиваюсь взглядом с Сиби, девочкой с белыми длинными волосами. Мягко улыбаюсь в знак приветствия, но она не отвечает. Только её голубые глаза наполняются влагой.

Мои брови хмурятся, но молчу. Должен молчать. Так учила мама.

Папа останавливается возле одного из мужчин, чтобы поздороваться. Вижу его впервые, а на коленях у него сидят две девочки, которые выглядят старше меня. Их тоже вижу в первый раз. Толстый незнакомый мужчина оглядывает меня с ног до головы с улыбкой. Эта улыбка мне не нравится – она не приветливая, а гадкая и вызывает отвращение. Кривлю губы в ответ, и глаза незнакомца сверкают злобой, как у папы.

– Сколько стоит? – спрашивает незнакомец у папы, указывая подбородком в мою сторону.

Он хочет меня купить?

Мои глаза расширяются, и страх пронизывает каждую косточку. Крепче вцепляюсь в руку отца, который сжимает мою ладонь в ответ так сильно, что становится невыносимо больно. Но стараюсь не хныкать, быть тихим.

– У тебя нет столько денег, – безразлично отвечает папа, начиная вести меня дальше по коридору. Чувствую облегчение, когда мы покидаем ту часть комнаты.

Не в силах молчать, забыв о просьбе мамы, задаю вопрос отцу:

– Ты бы меня продал, пап?

Отец останавливается и бросает на меня взгляд через плечо. Он холодный, безразличный. Никогда не видел, чтобы папа улыбался. Мы с ним похожи только глазами. Он каждый раз упрекает меня, что не стараюсь быть его сыном.

Что могу сделать, если мои волосы белые, а не чёрные, как у него? Как мне стараться?

– Если продолжишь вести себя как соплиивый мальчишка с добрым сердцем, то да, я сделаю это. Сделаю тебя холодным, Айзек. И плевать, что тебе придётся пережить. Ты мой сын, и должен соответствовать.

Сердце громко стучит в груди от непонимания, чего от меня хочет отец. Но только киваю в ответ, как учила мама. Мы снова двигаемся дальше, и меня продолжает трясти, но молчу.

Мама всегда говорила, что тишина – сильное оружие, которое спасёт от смерти. Значит, это убережёт меня от папы, и он не продаст меня злему дяде. Не хочу расставаться с мамой – она добрая и любит меня. Не хочу оставлять Ричи – нашу уличную собаку, которую папа держит на цепи. Не хочу оставлять одну девочку в комнате наказаний.

Папа замедляет шаг возле красной двери и расстёгивает ширинку на своих бежевых брюках. После этого его руки принимаются снимать ремень.

Что он делает? Папа хочет меня наказать?

Тяжело сглатываю, вспоминая, какую боль приносит ремень. Папа однажды наказал меня, избивая железной пряжкой за то, что отдал свою еду девочке.

– Я покажу тебе, как ты должен относиться к этим маленьким девчонкам и ко всему остальному женскому полу, сын.

Крепкая рука папы затаскивает меня в комнату, где горит только одна свеча, освещающая обшарпанные грязные стены. Замечаю рисунки, игру в крестики-нолики на стенах и отпечатки красного, будто кто-то пытался лезть по стене или выбраться из этой комнаты.

Рассматривая всё вокруг, не сразу замечаю сидящую на кровати девочку, намного старше меня.

Девочка с нахмуренными бровями смотрит на меня. Но когда её взгляд обращается на моего папу, нижняя губа начинает дрожать.

Что папа собирается мне показать?

Он спускает свои брюки ещё ниже, продолжая идти в сторону девочки.

– Ты ведь будешь послушной, чтобы не было так больно, как в прошлый раз?

Папа касается её щеки, заправляя прядь вьющихся волос с рыжим оттенком за ухо.

Ничего не понимаю.

Они ещё ниже опускаются на кровать. Ложатся на неё, словно собрались спать. Но резкий крик парализует меня.

Вдруг удар отца пронзает пространство с той же громкостью, что и недавний крик. Все звуки в моём сознании стихают, остаётся лишь тишина.

Не могу пошевелиться. Молчу, как учила мама, чтобы этот ужас напротив быстрее закончился.

Но он не заканчивается.

Папа двигается без остановки, и удары не прекращаются.

Но мама говорила, что молчание спасает. Молчу. Почему это не спасает нас сейчас?

Почему, мама?

Почему...

Глава 3

Strangers – Ethel Cain

Господь говорит тебе и мне: смерть ждёт всех нас

Мелани, 16 лет

– С днём рождения, доченька!

Широко улыбаюсь и задуваю свечи в форме цифры шестнадцать. Но в этот момент не чувствую ни радости, ни восторга – только пустоту. Беззвучно, почти неосознанно, загадываю желание:

«Я хочу, чтобы мама и папа снова были вместе. Хочу, чтобы мама любила меня. Хочу семью».

Тогда мама хоть немного была бы счастлива и не так сильно ненавидела весь мир. Но знаю – это желание никогда не сбудется. Родители развелись десять лет назад. С тех пор вижу папу не чаще трёх раз в год. Мама делает всё, чтобы мы общались как можно реже. И, кажется, папа не особо сопротивляется.

Он не выдержал маминого характера – слишком резкого, грубого, вспыльчивого. Помню его мягким. Он никогда не повышал на меня голос. И, если честно, мне ужасно не хватает его объятий... Но вместо них теперь руки Джона, сжимающие шею в удушающей, болезненной хватке.

Мама целует меня в обе щеки, ярко улыбаясь. Но знаю: внутри неё – та же пустота, что и во мне. Только она заполняет её злобой на весь мир, а я стараюсь игнорировать все чувства внутри.

После развода мама стала ещё ожесточённое. Начала презирать всех мужчин и винить их во всех проблемах. Даже Джона. Но всё равно продолжает держать его рядом. Они одинаковые. Оба злые. Вспыльчивые. Эгоистичные. Любви между ними нет. И не будет.

– Я приготовила тебе подарок, – говорит мама, мягко заправляя выбившуюся из хвоста прядь за ухо.

Ненавижу этот хвост. После него всегда чешется и болит голова. Но мама любит, когда выгляжу «аккуратно», и иду на жертвы ради её одобрения, чтобы хоть раз услышать что-то тёплое в свой адрес.

Сегодня её голос звучит мягче обычного. До тех пор, пока не скажу что-то не то. А «не то» может быть чем угодно. Поэтому лучше буду молчать. Буду скромной, тихой – лишь бы не испортить этот день ещё сильнее.

– Какой подарок? – спрашиваю, стараясь придать голосу нотки заинтересованности.

Праздновать своё день рождения с мамой и Джоном – худшее решение. Но и с «подругами» отмечать не хочу. Не чувствую себя «своей» среди них.

Просто зашибись.

У меня даже настоящих друзей нет. Застряла в замкнутом кругу одиночества.

– Тебе точно понравится! – восклицает мама, хлопая в ладоши.

Джон только тяжело вздыхает, опрокидывая в себя очередную стопку водки. Уже и не считаю. Он идёт напрямиком в зависимость. Такими темпами вскоре потеряет свою работу в офисе.

Прекрасный день рождения.

И почему этого алкоголика мама не учит жизни, а все нотации достаются мне?

Мама направляется к дивану, чтобы взять подарочный пакет. Но её фигура замирает, когда на тумбочке начинает вибрировать мой телефон. Сразу понимаю, кто это. И его голос может сделать этот день чуть лучше.

– Это папа! – радостно вскрикиваю и встаю со стула.

Мама бросает на меня такой злой, недовольный взгляд, что у меня перехватывает дыхание.

Вот и всё. Настроение исчезло.

Она берёт телефон в руки, смотрит на экран, и вижу в её взгляде что-то едва уловимое. Это похоже на боль. Мама всё ещё любит папу. Но гордость и злоба мешают ей признать это. Она скорее будет страдать всю жизнь, чем признает, что развод – это её вина.

Мама никогда не даёт мне первой ответить на звонок от папы. Сначала сама берёт трубку, срывается, говорит ему что-то колкое, чтобы испортить всем настроение.

Она поднимает телефон ближе к лицу. Молчит и смотрит на экран, как будто пытается в нём что-то прочитать между строк. И когда мама наконец подносит телефон к уху, её лицо меняется. Мне становится не по себе. Медленно отхожу от стола, не отрывая взгляда от её побелевшего лица. Руки дрожат от предчувствия.

– Мама? – тихо спрашиваю.

Видела в её глазах гнев, ненависть, презрение. Но такого выражения боли и ужаса – никогда.

Что папа сказал?

Мама всё ещё держит трубку, но не отвечает. Только открывает и закрывает рот, словно задыхается. Потом телефон выпадает из её рук и глухо ударяется об ковёр. Не обращаю внимания на звуки вокруг. Смотрю только маме в глаза. Там страх. И шок.

– Что случилось? Что-то с бабушкой? Дедушкой?

Они давно отвернулись от нас из-за мамы. Но всё равно люблю их.

– Твой папа... Он умер. Его больше нет. Он разбился. Произошла авария...

Больше ничего не слышу. Гул в ушах становится оглушающим. Падаю на колени. Сердце сжимается в тисках, и не понимаю, как дышать.

Папа умер?

Нет. Нет. Нет.

Руки касаются моих плеч – резко отталкиваю их, с яростью выкрикивая:

– Не трогайте меня!

Пускай скажут, что это ошибка. Что номер перепутали. Что папа жив. Мы же должны были увидеться на следующей неделе. Мы не виделись два месяца. Так ждала этой встречи. Это был мой глоток воздуха. И теперь его тоже нет.

Папа умер.

Начинаю рыдать навзрыд. Всё расплывается от слёз. Хочу уйти. Убежать подальше. Но меня останавливает на месте горячая боль в щеке.

– Приди в себя!

Меня ударили. Снова. Узнаю этот удар. Это Джон. А мама, как всегда, ничего не делает. Даже в самый страшный момент моей жизни она не на моей стороне.

Сумев откинуть его руки, убегаю. Наощупь пробираясь по дому и дойдя до нужного места, запираюсь в ванной, в единственной комнате с замком.

Как только замок щёлкает, валюсь на пол. Скручиваюсь, сотрясаемая рыданиями, которые разрывают меня изнутри. В дверь начинают стучать. Громко. С такой яростью, будто хотят выломать.

– Оставьте меня... одну... – запинаясь в словах, шепчу сквозь слёзы.

Рука сжимает ткань блузки на груди, там, где сердце рвётся на куски.

Папы больше нет.

Не будет больше тёплых объятий.

Никто не поцелует меня в лоб.

Никто не обсудит со мной книги.

Не расскажет анекдот, от которого буду смеяться до боли в животе.

Больше не назову никого: «Папа».

Бью по холодному кафелю, пока руки не становятся алыми. Но не останавливаюсь. Слёзы не прекращаются. Крики за дверью не утихают. Боль внутри только нарастает. А в голове крутится одно:

Папа умер.

Папа умер.

Папа умер.

Умер...

Два месяца спустя:

Прогулы в школе. Три попытки сбежать из дома. Ещё больше синяков. Ещё больше криков. Руки Джона на моей шее. Пустота.

– Что ты пытаешься доказать своим побегом, Мелани? – голос матери холоден, как лёд.

Раньше уже дрожала бы, подавляя в себе слёзы от одного её тона, но не сейчас. Сейчас мне всё равно.

Поднимаю на маму взгляд, и в её глазах отражается только пустота. Та же самая, что каждый день встречает меня в зеркале. Пустота, которая отчаянно ищет, чем бы заполниться. Но мама лишь расширяет эту дыру в моей душе. С момента смерти отца она ни разу не обняла меня. Ни разу не подошла, когда я, истерзанная горем, кричала ночами в подушку. Уверена, мама всё слышала. Просто не захотела прийти. Не захотела утешить. Не захотела поддержать.

Мама стала ещё холоднее и словно заблокировала свои эмоции, будто потеря папы совсем на ней не отразилась, будто он никогда не существовал. Поехала на похороны одна. Стояла на коленях перед гробом, кричала от боли, а рядом никого не было. Ни одного родного лица. Только ветер и сырость земли. Тогда поняла, что потеряла не только отца.

Потеряла и мать.

– Ничего, – отвечаю ей ровно, почти безжизненно, пожимая плечами.

Мой взгляд скользит по комнате, в которой больше не чувствую уюта. Она превратилась в настоящее отражение моего внутреннего мира: гора грязных вещей, разложенные повсюду книги, сгнившее яблоко на подоконнике, грязное постельное бельё, слои пыли, засохшие растения, которые раньше так любила.

Теперь моя среда – гниль, мрак и пустота.

– Ты меня достала! – срывается мать.

Она резко хватает меня за подбородок и заставляет посмотреть ей в глаза.

– Если ты не прекратишь, я переведу тебя на домашнее обучение, прицеплю к батарее и буду кормить с ложки, лишь бы ты не убегала! – её пальцы вдавливаются в мою кожу. – Ты этого добиваешься?

И знаете что? Мне уже всё равно. Ни обиды, ни боли. Ничего. Только злость, готовая вырваться наружу.

– Да! Сделай это, мам! Вперёд! – больше не могу молчать.

Больше не хочу терпеть.

Больше не та Мелани, что боялась ссор с ней и всегда пыталась угодить. Та Мелани умерла вместе с отцом.

– Что ты сказала? – прошипела мать, притягивая меня ближе.

Отталкиваю её руки. Джона сейчас нет дома. Никто за неё не заступится. Есть только мы. Две сломленные женщины.

– Ты слышала меня! Я те-бя не-на-вижу! – проговариваю по слогам, тыкая пальцем ей в грудь. – Я ненавижу твой голос, который только и делает, что ранит. Твоё лицо, в котором нет ни капли тепла. Твои глаза, полные презрения.

Ненавижу, что ты похожа на чудовище, а не на мать. Ненавижу твои руки, что не умеют обнимать, а только бить.

Ненавижу тебя всей душой, потому что ты разрушила меня. Ты делаешь мою жизнь невыносимой. Из-за тебя думаю о смерти, о побеге, о том, как было бы легче просто исчезнуть. Хочу быть свободной. Любимой. Счастливой. Но ты – мой ад, мама.

Мать делает шаг назад. Её дыхание сбито, глаза расширены. Наверное, больно слышать такие слова от собственной дочери. Ну и пусть. Пусть узнает, каково это – быть раздавленной. Закрываю глаза. Горечь подступает к горлу, но я не жалею ни о едином слове.

Кто знает, может именно они пробьют в ней хоть что-то человеческое?

И вдруг – громкий хлопок двери.

Мама сбежала. Как всегда. Это всё, что она умеет.

Убегать.

Прятаться от правды.

Ей проще бежать вечно, чем признать, что не я плохая дочь, а она плохая мать.

Падаю на кровать, не замечая зловония, исходящего от грязного белья. Мне всё равно. Просто хочу, чтобы всё закончилось.

Слёзы текут по щекам.

Когда всё это кончится?

Почему мне досталась такая боль? Какой урок должна из неё вынести?

Может быть, однажды узнаю ответы. А может, просто поддамся зову тишины и уйду навсегда.

Так и засыпаю – с этими мыслями, с этой пустотой. Ещё не зная, что это были мои последние слова, сказанные матери...

Глава 4

I Love You, I'm Sorry – Gracie Abrams

Я люблю тебя, мне жаль

Алекс (Айзек), 7 лет

Смотрю в глаза мамы, напоминающие мне зелёный газон, сверкающий под солнцем в том самом парке, где мы с ней кормили птиц, пока папа занимался своими делами. Её руки нежно касаются моего лица, обводя каждую черту холодными пальцами, которые слегка дрожат. Теперь мама осторожно прикасается к моим волосам, пытаясь уложить их после того, как я вырвал клочок. Мне было страшно смотреть на то, что делает папа.

Хотел помочь девочке способом, который всегда советовала мама, но он не помог. Совсем не помог. В этот раз тишина и молчание не спасли нас.

– Единственное, что у тебя останется от меня, – тихо, едва слышно произносит она.

Брови сходятся на переносице от непонимания.

Что мама имеет в виду?

Внимательно смотрю на её белоснежные короткие волосы, которые она всегда собирает на макушке. У меня её цвет волос, что не радует папу: он говорит, что это слишком смазливо выглядит.

Теперь руки мамы касаются моих глаз, она наклоняется вперёд, нежно целует мои веки, и я наслаждаюсь этой лаской. Люблю, когда мама нежная. Это заставляет уйти страх, который вселяет папа.

– Айзек, милый, – с дрожью произносит, всматриваясь в моё лицо. – Твои глаза слишком нежные и яркие, слишком открытые.

Брови сходятся вместе. С мамой всё в порядке? Она говорит слишком странные вещи.

– Это плохо? – с грустью спрашиваю, и мама кивает в ответ.

Мне нравятся мои глаза. Они яркие и красивые.

– Да, милый, это делает тебя слишком заметным, – мама вновь целует веки, руками прижимая к себе в крепкие объятия. – Твои глаза должны излучать холод и безразличие, Айзек. Так папа никогда не узнает тебя среди прохожих. Он никогда не поверит, что мой сын способен быть таким. Так папа не сможет тебя найти.

Отстраняюсь от мамы, бросая на неё заинтересованный взгляд.

– Мы будем играть в прятки? – радостно восклицаю, задавая вопрос.

Мне нравятся игры. Особенно прятки. Но папа редко разрешает мне играть с детьми.

– Да, будем, – мама с грустной улыбкой даёт ответ, снова прижав к своей тёплой груди.

Обвиваю её руками, улавливая, как сердце мамы быстро бьётся.

– Мы будем играть в прятки с твоим отцом, но он не должен этого знать, хорошо?

Киваю в её грудь, крепче обхватив её руками.

– Я никогда ему не расскажу, мам. Обещаю.

Мама убирает руки с моей талии, поднимая их к лицу. Её потрескавшиеся и дрожащие губы касаются по очереди моих щёк, мягко целуя.

– Никогда и никому не рассказывай, кто твой отец. Не рассказывай свою прошлую жизнь. Никогда, Айзек. Ты должен прятаться среди людей, быть холодным, молчаливым и скрытным, понимаешь меня?

Это уже не похоже на обычные прятки...

– Что это за игра, мам? Она будет долго продолжаться? А где будешь ты?

Мамины глаза наполняются слезами.

– Игра называется «спасение», сынок, – она наклоняется вперёд, оставляя поцелуй на шее. – И это будет слишком долго. Так долго, пока ты не начнёшь осознавать её суть. Но ты должен всегда продолжать играть. Ради меня и себя, Айзек.

Мне совсем не нравится эта игра. Настолько сильно, что слёзы теперь собираются и в моих глазах.

– Ты ведь будешь со мной играть, да, мамочка?

Слышу только внезапный и резкий всхлип у себя в шее. Ту область обдаёт горячими и мокрыми каплями. Слезами.

– Да, милый, но я не буду рядом. Я буду играть в совсем другую игру, она должна помочь тебе и остальным деткам. Это должно помочь вашему спасению.

– Но когда ты вернёшься ко мне? Когда закончишь свою игру?

Ещё один всхлип, но на этот раз тихий.

– Никогда, как и ты, Айзек. Мы всегда будем играть ради спасения.

Руки крепче цепляются за маму. Не хочу расставаться с мамой. Не хочу играть один. Хочу, чтобы мама всегда была рядом.

– Нет, мама, нет! – сквозь рыдания кричу, пытаюсь вырваться из маминых рук, но она прижимает только крепче. – Не оставляй меня. Не хочу играть один. Хочу с тобой, пожалуйста!

– Тсс. Тише, Айзек, пожалуйста, – с мольбой произносит мама, начиная успокаивающе качать меня в разные стороны. – Мне нужно помочь деткам. Ты ведь хочешь, чтобы твои друзья вышли из комнат наказаний. Хочешь, чтобы я спасла ту девочку и она не умерла?

Слёзы стихают, когда думаю о девочке. Если мама не поможет, она умрёт, а не хочу этого. Хочу, чтобы девочка жила.

– Хочу, – тихо отвечаю, крепко обнимая маму.

Мы отстраняемся друг от друга. Мамины глаза красные.

– Я вернусь. Мы встретимся когда-нибудь, Айзек. Не знаю где, в каком месте, мире, но мы сделаем это. У нас особая связь, которую не разорвёт расстояние. Я рядом с тобой, когда ты рисуешь. Я рядом, когда ты смотришь на дневное небо. Рядом, когда тебе холодно и пусто в этой игре. Рядом, когда ты спишь. Может, ты не будешь меня видеть, но будешь чувствовать, как и я тебя. Ведь наша связь бесконечна, а значит, я рядом навсегда.

Только киваю в ответ, бросаясь на шею мамы, крепко обнимая. Странное чувство появляется в груди, которое не совсем понимаю. Тяжесть, боль, сердце сжимается. Подобное испытывал лишь однажды, когда умер наш кролик Майки.

Но это ведь не так?

Мама не умирает.

Она сказала, что у нас особая связь. Сказала, что будет всегда рядом, даже если не буду её видеть. Значит, она не оставляет меня. Мама будет рядом.

– Хороший мальчик, – хвалит мама, прижавшись к моей ключице носом, вдыхая запах. Это вызывает щекотку.

Раньше начал бы смеяться, но сейчас совсем не хочется. Чувствую странную пустоту и холод после её слов.

– А теперь запоминай.

Поднимаю голову, внимательно смотрю на маму. Готов запоминать. Готов играть, если это спасёт моих друзей.

– Ты больше не Айзек, милый, у тебя будет другое имя.

– Какое?

– Алекс Уильямс.

Хмуро смотрю на маму, пытаюсь запомнить это в голове. Имя легко, а вот фамилию...

– А зачем мне новое имя и чьё оно?

Мама гладит мои руки, слегка сжимая.

– Всё это выдуманно мной для игры, – с натянутой улыбкой отвечает, кладя руки на мою талию. – Имя Алекс идеально подходит твоему образу в этой игре, кому-то холодному и замкнутому.

– Но не хочу быть таким, мам.

Губы мамы сжимаются, и она качает головой.

– Ты должен, сынок. Только так мы сможем спасти всех, понимаешь?

Опускаю глаза вниз, смотрю на дрожащую и дёргающуюся коленку мамы. Должен быть холодным, замкнутым, молчаливым, совсем как папа.

– Пожалуйста, Айзек, – умоляет она, и поднимаю глаза на неё, слабо кивая в знак согласия.

Сделаю это. Спасу всех. Ведь именно этому меня научила мама. Помогать нуждающимся.

– Ты молодец, сынок. Я так горжусь тобой, – дрожащим голосом хвалит она, целуя в лоб.
– Теперь нам нужно собрать тебя.

После этих слов мама отпускает меня, поднимаясь с колен, быстрым шагом направляясь в другой конец комнаты.

Она возвращается, держа в руках жёлтый рюкзак с изображением большого разноцветного попугая. Всегда прятал в нём свои рисунки от папы, чтобы он не выбросил их. Не знаю почему, но папе они никогда не нравились. Он, наоборот, всегда злился, когда рисовал для него.

– В этом рюкзаке все необходимые документы с твоим новым именем, Айзек. Ты должен быть предельно осторожен и внимателен, чтобы не потерять их. Они очень, очень важны, – мама натягивает на мои плечи рюкзак и поворачивает теперь к себе лицом. – Я положила тебе альбом и карандаши, которыми мы всегда рисовали вместе, – мама замолкает на пару секунд. – Никогда не переставай рисовать, сынок. Как только почувствуешь невыносимый холод и пустоту в этой игре, начинай рисовать, и рисунки согреют тебя. Они всегда будут это делать, ведь в них будет моя энергия. Будет наша с тобой связь.

Киваю в ответ, чувствуя жжение в глазах. Зажмуриваюсь, пытаюсь согнать его, как всегда приказывал сделать папа. Но не могу. Ничего не получается. Мама прижимает к себе настолько сильно и крепко, что становится слегка больно.

– Айзек, не плачь, – обвиваю маму руками очень крепко, не желая отпускать.

– Я люблю тебя, мамочка.

Говорю тихо, чтобы никто не услышал. Мы с мамой редко говорим эти слова, она научила меня не произносить этого при папе. Мама содрогается в моих объятиях так сильно, что пугаюсь, будто слишком сильно прижал её к себе и сделал больно. Но она только ещё сильнее сжимает, когда пытаюсь отстраниться.

– И я люблю тебя, Айзек. Любила с первой секунды твоего появления. В будущем, когда повзрослеешь, ты будешь обижаться на меня за эту игру. Но, сынок, каждое моё действие, решение, игра, план были направлены только на тебя. Только на лучшее для тебя. Просто помни, что у мамы не было выбора и что мама любила тебя.

– Я никогда не буду обижаться на тебя, мам!

– Будешь, ещё как будешь, милый, – собираюсь опять возразить, но мама прижимает указательный палец к моим губам, не давая говорить. – Но ты поймёшь моё решение. Через годы ты всё узнаешь, когда придёт конец игре.

Мама убирает палец, когда перестаю сопротивляться. Её взгляд направляется в сторону шкафа.

– Пора начинать, милый, – с этими тихими словами поднимается с колен, потянув меня вверх за руку.

Как только поднимаюсь следом, мама отпускает, направляясь к шкафу. Уперевшись сбоку в него руками, начинает двигать. Бегу к ней, прижимаясь с другой стороны.

– Я помогу тебе, мамочка!

В ответ мягко улыбается, долго смотрит мне в глаза.

– Мой хороший мальчик, – говорит мама, сдвигая шкаф от стены.

Она продолжает смотреть на меня, совсем не замечая, что открылся туннель, который поразил меня. Тайный проход? Это будет интересная игра.

– Этот мир совсем не заслуживает тебя. Я не заслуживаю тебя.

Слова мамы пролетают мимо ушей, когда смотрю вперёд. На длинный проход, окутанный темнотой и запахом сырости.

– Как? Папа знает? – удивлённо спрашиваю, хватая маму за руку.

– Это неважно, милый. Самое главное, что папа ещё не знает о нашей игре, поэтому надо поторопиться.

Мама тянет меня дальше, в темноту, но мои ноги застыли на месте. Если папа узнает про туннель, маме будет очень плохо, особенно если он узнает о нашей игре и о том, что ушёл через этот путь.

– А если папа узнает?

– Я позабочусь об этом. Он не найдёт тебя, Айзек. Он больше не сделает больно моему ребёнку, я не допущу.

Мама сильнее тянет вперёд, так что мне не остаётся выбора, как бежать за ней. В самую гущу темноты. Холод касается голых участков кожи, вызывая мурашки. Глаза потихоньку привыкают к темноте, начиная видеть каменные очертания туннеля. Тяжело дышу от быстроты бега.

– Мам, мне тяжело, – с придыханием кричу, пытаюсь замедлить шаг, но она не даёт.

– Ещё немного.

Мы бежим дальше. Всё дальше отдаляясь от света. От папы. От моих друзей.

Внезапный свет ослепляет. Зажмуриваю глаза от яркости, но, когда открываю, рот широко открывается от увиденного. Огромный лес, высокие ели, громкое пение птиц. В этом месте так красиво.

Почему я не видел его раньше?

Мама дёргает меня за себя, крепко хватая за плечи, заставляя оторвать взгляд от леса, который теперь хочу нарисовать.

– Айзек, ты у меня ведь умный мальчик? – спрашивает мама.

Согласно киваю.

– Теперь ты Алекс Уильямс. Никогда и никому не рассказывай своё настоящее имя. Никогда не рассказывай о своих родителях, о том, что видел в этом здании, о детях. Никому.

Снова киваю, внимательно слушая маму.

– Ты должен быть холодным, молчаливым, закрытым. Так папа не найдёт тебя. Он никогда не узнает о моём солнечном мальчике через других людей. Холод и тишина спасают. Помни об этом.

Много раз киваю, и мама сильнее сжимает мои плечи. Никому не расскажу. Никогда не подведу маму и друзей.

– Время вышло, Мария.

Твёрдый и грубый голос звучит позади, заставляя дёрнуться всем телом от испуга.

– Кто это?

Мне не нравится этот мужчина. Он выглядит злым.

– Это Джеймс. Он поможет тебе добраться до места, где ты продолжишь игру в роли Алекса, сынок.

Оторвав взгляд от мужчины, смотрю на маму, видя, что она плачет. Мама резко притягивает меня в объятия, обхватив руками всё моё тело.

– Пора, милый.

Так же резко отпускает и делает несколько быстрых шагов назад. Начинаю плакать, ощущая, как в груди разрастается острая боль.

– Ты ведь вернёшься ко мне, мам?

Её ноги замирают на месте, шаги прекращаются. Мама впивается взглядом в моё лицо, в ответ только кивая, когда мужчина появляется рядом со мной, взяв за руку.

– Ребята ждут с другой стороны, – Джеймс тянет меня назад, но не отрываю взгляда от мамы.

Хочу, чтобы мы играли вместе. Не хочу быть один.

– Это твой единственный шанс вытащить детей, Мария.

Мама снова начинает делать быстрые шаги, уходя всё дальше от нас.

– Нет, мам, нет! – громко кричу, пытаюсь побежать вперёд, но мужчина успевает схватить меня.

Большие руки обвиваются вокруг тела, поднимая вверх, закинув на твёрдое плечо. Огромная рука ложится на спину, медленно поглаживая. Силуэт мамы расплывается впереди, совсем перестаю её видеть, когда мы отдаляемся всё дальше и дальше.

Нет.

Не хочу больше играть.

– Мама! – громко кричу, и мужчина шикает на меня. – Mamочка, не оставляй меня!

Но она только ещё больше расплывается впереди, пока совсем не перестаю её видеть.

Нет, мам.

Не уходи.

Не оставляй меня.

Пожалуйста.

Глава 5

i love you – Billie Eilish

Это неправда,

Скажи, что солгал мне

Мелани, 17 лет

Краска осыпается с обшарпанных стен, падает на мою жёлтую простыню, но я не делаю ничего для того, чтобы стряхнуть эту пыль. Только смотрю, как она продолжает осыпаться, как и рассыпалась вся моя жизнь.

Год нахожусь в интернате для трудных подростков. Год не видела матери. Год, как свыклась и подружилась с пустотой внутри. Маме не составило труда определить меня в это мрачное, зловещее место, учитывая мою историю побегов из дома. Возможно, она желала как лучше – перевоспитать меня, но это учреждение лишь усугубляет худшие стороны моей личности.

Меня окружают сломленные дети, жестокие воспитатели и изломанные души, которые не вдохновляют на изменения, а только омрачают существование. Все мы в этом интернате – брошенные своими родителями дети, никому не нужные, нелюбимые и, чёрт возьми, злые.

А может, мама пыталась так отомстить за мои последние слова?

Это больше в её стиле, нежели желать мне лучшего.

Весь этот год меня навещал только Джон, приносил еду от матери. Пожалуй, это единственное проявление её любви. Видимо, большего не заслуживаю.

Дверь в нашу комнату медленно открывается, но никто не спешит заходить. Единственная, кто резко поднимается с кровати, вглядываясь в проём. Мэри, рыжеволосая девочка с непростым характером, младше меня на два года, остаётся лежать, листая свой смартфон и закатывая на меня глаза.

Нашей третьей соседки нет уже сутки – её забрали родственники на выходные. Везёт же кому-то. Но с напряжением во всём теле продолжаю ждать незваного гостя, всё ещё питая яркую надежду внутри. Надежду, что войдёт мама, обнимет и заберёт меня отсюда. Заберёт подальше от этой пустоты. Думала, мой дом – худшее место, но интернат переплюнул всё.

Как бы ни сердилась, как бы ни злилась, ни обижалась – всё ещё люблю маму и буду любить. Она моя мама, и это никогда не изменится, как и ничто не изменит моей сильной любви к ней. Дверь полностью открывается, и наконец появляется наш незванный гость.

Джон.

Снова не мама. Снова.

Почему он пришёл? Он был совсем недавно.

– Не буду мешать, – прыгивая с кровати, говорит моя соседка, выбегая из комнаты, пропуская вперёд слишком странного Джона.

Его лицо бледное, под глазами ярко выделяются синяки, словно он не спал всю ночь. Руки дрожат, сжимая конверт так сильно, что бумага рвётся по краям. Замечаю, как его пальцы дрожат, и тяжело сглатываю. У Джона серьёзные проблемы с алкоголем, и, чтобы попасть ко мне в интернат, ему приходится воздерживаться от спиртного целый день, что объясняет его дрожащие руки. Однако боюсь трезвого Джона, жаждущего водки, ведь он гораздо хуже и агрессивнее, чем в опьянённом состоянии.

– Привет, – тихо произношу, пытаюсь встретиться с его взглядом.

Но он первым отводит глаза, заставляя меня ещё больше напрячься. Никогда не видела таким мамино мужчину. Он в нерешительности, будто ему страшно.

Джон медленно, так же как и открывал, закрывает дверь и, слегка пошатываясь, направляется ко мне.

– Это тебе от матери, – его голос непривычно тих и мягок.

Нерешительно беру конверт из его дрожащих рук, с недоумением глядя на Джона. Зачем мама пишет мне письмо? Почему не могла отправить сообщение или хотя бы позвонить? Неужели мой голос стал ей настолько противен после тех злополучных слов?

Уже множество раз мысленно извинилась перед ней. Много раз ощутила вину и желание вернуть время назад, чтобы не говорить той гадости. Но первые шаги есть только с моей стороны, как всегда. Только готова извиняться, но не мама. Она даже не даёт мне этой возможности, год держа взаперти в стенах интерната.

– Зачем мама написала это письмо?

Мужчина качает головой, отворачиваясь от меня, предоставляя вместо ответа свою сгорбленную спину.

Сердце сжимается в груди, предчувствуя что-то нехорошее, а ладонки резко потеют от нервов. Не понимаю, что значат эти внезапные чувства. Не понимаю дрожащий страх вперемешку с ужасом внутри.

Да, что, твою мать, происходит?!

– Джон...

– Просто прочти!

Тихий рык с лёгкой угрозой напоминает мне, кем является этот мужчина рядом, заставляя подчиниться и раскрыть конверт.

Первые строки письма погружают меня в такую пучину ужаса, что рука невольно поднимается к сердцу, словно пытаюсь сжать его, удержать от разрыва.

Сердце и глаза сопротивляются, но заставляю себя дочитать до конца и выдержать поток неверия:

«Здравствуй, Мелани. Кажется, мы не разговаривали целую вечность, но хочу сказать: мне очень жаль.

За этот год многое осознала. Заточенная в белые стены, в больничный запах, наконец поняла, какой матерью была. Я умираю, моя девочка. И, возможно, на момент прочтения этого письма уже мертва. Мне жаль. Не хотела тебе говорить. Добивать после смерти отца и, если признать правду, – не хотела, чтобы ты видела мою слабость.

Врачи пытались бороться за мою жизнь. Боролась весь этот год одна, но рак сильнее. Болезнь забирает меня.

А может, это и к лучшему?

Больше не буду транслировать на твою жизнь свои страхи, боль, травмы. Ты заслуживаешь большего, Мелани. Больше, чем больную мать – не только физически, но и психически. Ты знаешь, что не была желанной дочерью. Ты была случайностью и, к сожалению, ложно дала тебе понять, что ты была ужасной ошибкой из-за обиды на твоего отца.

Но, доченька, это не так, поверь мне, пожалуйста.

Да, потеряла свою жизнь, родив тебя. Да, злилась на тебя и на твоего отца. Была такой, чтобы уберечь тебя от повторения моих ошибок. Прости.

Только на смертном одре смогла откинуть свою гордость в сторону. Только тогда, когда врач сказал, что шансов нет. В этот момент вся моя несчастная жизнь пролетела перед глазами, и поняла, что единственным светом была ты и твой погибший отец. Но всё потеряла.

Потеряла из-за своей гордости. Из-за того, что никогда не могла признать своих ошибок и неправоту. Даже сейчас это с трудом даётся, но пытаюсь, милая.

Прости меня, дочь. Прости, что нанесла сильный ущерб. За травмы. За всю физическую и эмоциональную боль. Прости, что сделала всё для того, чтобы ты ощущала ко мне ненависть, а не любовь.

Прости, что не была рядом последний год и вообще никогда не была рядом, когда была нужна тебе больше всего на свете.

Не вини себя, что не была со мной рядом, когда умирала от болезни. Это не твоя вина. Хотела покинуть этот мир наедине с собой. Это заслужила. Никогда не смогла бы сказать тебе этих слов в лицо, ведь всё ещё неисправна. Смогла это только написать и надеюсь, ты поймёшь.

У меня не было шанса исправить себя и свою жизнь. Но у тебя, мой единственный ребёнок, он всё ещё есть.

Продолжай жить, Мелани. Забудь о плохой матери и просто живи так, как этого не делала я.

Люблю тебя, дочь, и мне жаль, что не говорила тебе этих слов при жизни.

И прости маму, пожалуйста, даже если этого не заслуживаю.

Но если ты этого не сделаешь, пойму.

Прощай, мой свет.»

Наступает мёртвая тишина. Мои глаза, полные слёз и боли, скользят по последним строкам письма. Кажется, даже не дышу, когда медленно поднимаю взгляд на мужчину, надеясь увидеть на его лице ту издевательскую улыбку, которую всегда ненавидела. Но сейчас жажду её больше всего на свете. Хочу услышать, что это шутка. Готова отдать всё, лишь бы слова в письме оказались неправдой. Пусть это будет наказание, испытание – приму и прощу всё. Только бы не правда. Нет. Никогда.

Но не вижу его лица. Не вижу той самой долгожданной улыбки. Только его спина и это чёртово, мёртвое молчание.

– Джон? – задаю тихий вопрос, чувствуя, как сжимается горло и каждая часть моего тела каменеет от неверия.

Мужчина напрягается, не поворачиваясь ко мне лицом, только лишь кивок головы становится моим единственным подтверждением.

Не верю.

Не верю.

– Скажи, что это неправда, – мой голос становится громче, отчаянные нотки звучат в каждом слогe.

Мужчина делает только шаги вперёд к двери, собираясь оставить меня одну. Снова.

– Скажи, что это неправда! – теперь мой голос срывается на громкий крик, словно у раненого животного. Всё ещё не верю каждой косточкой своего существа. Не верю. Не буду этого делать. – Скажи! Скажи! Скажи!

Кричу. Так громко, пытаюсь быть услышанной. Пытаюсь хоть раз получить ответы на свои вопросы. Джон сжимает ручку двери до побелевших костяшек, слегка поворачивая голову в мою сторону.

– Это правда, Мелани.

С этими словами дверь открывается и резко захлопывается, оставляя меня совсем одну. Комната погружается во мрак. Тело болит так, будто меня бьют сейчас кувалдой, а лёгкие не хотят дышать, только слова матери не перестают крутиться в моём сознании:

«Я уже мертва. Мертва. Мертва. Мертва.»

Мамы нет. Мамы больше нет. У меня нет теперь мамы.

Открываю широко рот, пытаюсь вздохнуть полной грудью, но ничего не выходит. Абсолютно ничего. Только жалкий хрип. Хочу прекратить дышать. Хочу, чтобы моё сердце остановилось, как у мамы и папы. Хочу, чтобы пустота поглотила меня с концами.

Как она могла так поступить со мной? Как могла не позволить нам провести это время вместе? Как мама могла?

Мой кулак врезается в тонкий матрас кровати, ощущая боль от деревянных палок. Бью ещё раз. И ещё раз. Бью до того момента, пока не проснусь. Это ведь сон, да? Нужно просто заставить себя открыть глаза, вот и всё. Это не может быть правдой. Просто не может. Жизнь не такая жестокая, нет. Не буду сиротой. Не буду.

Для чего мне это всё? Почему прохожу через это? Чем заслужила?

Боже, ведь всю жизнь была хорошей. Любила каждого, даже злого человека. Была всепрощающей. Но ты, Всевышний, всё равно жесток со мной. Ты убиваешь меня каждый год всё сильнее, доводя до края. До смерти.

Ты так скоро хочешь нашей встречи? Почему забрал родителей? Почему забрал моё желание жить?

Тихо, в мыслях обращаюсь в небо, но в ответ лишь молчание. Продолжаю бить кровать, всё ещё надеясь, что это письмо – сон. Но боль от ударов не прекращается, как и весь этот кошмар.

Мама действительно думала, что сможет уберечь меня таким образом от боли? Она действительно думала, что мне будет легче без неё? Легче совсем одной в этой мире, брошенной и никому не нужной?

Мама неправильно думала, ведь буквально умираю. Всё болит. Каждая часть снаружи и внутри. Болит настолько сильно, что кажется, будто меня пронзают острым кинжалом, но, к сожалению, не умираю от этого. Сердце продолжает биться, а боль расцветать. Мой рот всё ещё широко открыт. Пытаюсь вдохнуть воздуха, несмотря на желание умереть прямо сейчас.

Громкий всхлип вырывается наружу. Первый признак осознанности ситуации. Всё правда, а не сон. Мама умерла, и теперь навсегда сирота. Не сплю.

Резко ударяю правой рукой себя по лицу, и обжигающая боль доказывает вновь, что всё происходящее – реальность. Но сейчас так хотела бы, чтобы это был удар матери, а не мой.

Рыдания сильным потоком сотрясают всё тело. Слезы льются из глаз бешеным потоком, грудь быстро вздымается, всё ещё борясь за воздух.

Медленно, на дрожащих ногах, встаю с кровати, едва не падая на пол. Поднимаю голову – всё вокруг кружится. Шкафы колыхнутся, как волны. Моё отражение в длинном зеркале искажается. Опираюсь на стену – она ледяная. Мёртвый холод повсюду: на поверхностях, в воздухе, внутри меня.

Хватаясь за дверную ручку, сжимаю её до боли и резко открываю дверь. Острая боль пронизывает руку – значит, это не сон.

Выхожу в коридор, иду медленно, но с каждым шагом ускоряюсь. Ни на кого не смотрю, но боковым зрением замечаю, как окружающие люди плывут перед глазами.

А может, это всё-таки сон?

Позади кто-то кричит, зовёт меня по имени.

Ноги подкашиваются, сердце сжимается от боли, и я падаю на колени посреди коридора. Физической боли не чувствую – только слышу, как мои кости с глухим стуком встречаются с полом. Руки зарываются в волосы, закрывая уши, пытаюсь заглушить всё. Пытаюсь отключиться.

Но слова продолжают звучать в голове:

«Я была больна весь этот год раком. Я умираю, моя девочка. Мне жаль. Прости меня. Продолжай жить. Прощай, мой свет».

Какой я свет?

Какой?

Всю жизнь меня медленно убивали, заставляли гаснуть и задыхаться в пустоте.

Я не свет.

Я не смогу сиять.

Я больше никогда не буду солнцем.

Я сожжена.

Я – пустота.

Я – пустота.

Глава 6

East of Eden – Zella Day

Будь моим другом, окружи меня как спутник.

Алекс, 20 лет

Сделав затяжку, наблюдаю, как тлеет сигарета. Грудь сдавливает холод. Холод, к которому уже привык. Подняв голову, вглядываюсь в чёрное небо без звёзд и луны, скрытых за плотными тучами. Только крошечная тьма. Именно поэтому после детского дома был выбран этот город.

Детройт отражает меня. Это моя зона комфорта. Моя бесконечная игра.

Но это не единственная причина. Этот город – один из самых криминальных в США, поэтому думал, что смогу встретить здесь отца. А если найду его, то встречу и маму.

Вспоминаю обещание, данное матери в наш последний совместный день, и сознание рисует в небе большие, печальные зелёные глаза и мягкую улыбку.

Прости, мам, что так плохо держу слово. Но я старался. Много лет.

– Когда станет понятна суть этой игры? – шепчу в пустоту.

– Работашь? – хриплый голос в стороне привлекает внимание.

Образ матери рассеивается, и, опуская голову, сталкиваюсь в темноте с очертаниями крупного силуэта. От незнакомца веет смертью, опасностью и с трудом уловимым запахом крови. Интересно.

– Закрыто, – безразлично отвечаю, указывая на неоновую красную вывеску позади.

На самом деле это отстойное место работы. Но здесь можно жить и спать в кабинете, что существенно облегчает жизнь. Поэтому не жалуюсь.

Что-то прилетает мне под ноги, но в ту сторону не смотрю. Парень выходит из тени, забрызганный кровью и с темнотой в глазах. С темнотой, которая поглощает его сознание. Слишком знакомые ощущения.

– Мне нужна чёртова татуировка, – опасно и тихо произносит он, делая ещё один шаг вперёд.

Он снова бросает предмет мне под ноги, и на этот раз становится понятно, что это конверты с деньгами.

Хмыкнув, отбрасываю сигарету в сторону урны, поднимаясь на ноги. Отталкиваю деньги в ту же сторону, откуда они прилетели, поднимая взгляд на парня, чьё лицо отражает слишком знакомые эмоции: ярость, потерянность, ненависть. Боль.

Только если мои чувства гасит внутренний холод, то этот парень вспыхнет и сгорит прямо сейчас.

– Пойдём.

Открыв двери, нажимаю на выключатель сбоку, заливая комнату жёлтым светом. Освещение в этом месте оставляет желать лучшего, но это не мешает рисовать. Работать приходилось и в более суровых условиях.

Взгляд останавливается на рабочем месте: старая, потёртая кушетка и одинокий стул мастера, с которого облезает красное кожаное покрытие. Для многих это место может показаться отталкивающим, но не для меня.

В этой комнате мои демоны находят тепло.

– Ты спишь здесь? – хриплый голос позади привлекает внимание, и оборачиваюсь в сторону своего спального места, которое подготовил совсем недавно.

В кабинете нет дивана, поэтому был найден в интернете дешёвый, потрёпанный матрас, который прячу в кладовой, когда приходят клиенты.

– Какую татуировку ты хочешь? – задаю свой вопрос, игнорируя его.

Когда оборачиваюсь к парню, теперь при свете ламп замечаю больше крови на его теле. Его руки до локтей полностью покрыты алой жидкостью. Остальная часть его тела тоже испачкана, но чёрная одежда хорошо скрывает это.

Если он позволяет себе появляться на улице в таком виде, то этот парень определённо не является обычным человеком.

– Тебя напрягает кровь? – с лёгкой ухмылкой спрашивает, сжимая кулаки.

Отвечаю ему в тон, ухмыльнувшись, и всматриваюсь в темноту потерянных карих глаз.

Кровь – последнее, что пугает меня в этом мире.

Когда ответа не даю, парень делает шаг вперёд, заглядывая мне в глаза.

– Судя по холоду в твоих глазах, тебя это совсем не напрягает.

Поднимаю одну бровь, показывая всем своим видом, что мне абсолютно насрать.

Парень в ответ лишь улыбается, уже без прежней тьмы в глазах. Он снимает мокрую, пропитанную кровью футболку и бросает её на пол. Теперь становится ясно: кровь принадлежит ему самому – тело покрыто отметинами, словно кто-то с особым рвением наносил удары плетью. Он проходит мимо меня и устраивается на кушетке, которая жалобно скрипит под его весом.

– Если она развалится под тобой на части, новую покупать не собираюсь – это сделаешь ты.

Парень снова смеётся, и его смех вызывает у меня давящую боль в груди, напоминая о чувствах, давно забытых. О чувствах из прошлого, когда эмоции были естественной частью жизни.

Сажусь в своё кресло, подготавливая инструменты, и вновь задаю вопрос, на который ранее не получил ответа:

– Что мы будем набивать?

Вся тёплая атмосфера от его смеха растворяется в ту же секунду, и комнату окутывает тьма. Словно чувствуется её сгусток вокруг нас.

– Череп, – тихо и опасно произносит он, наконец отвечая.

Смотрю на его спину, покрытую кровью от ран на плечах и боках. Кто-то с жестокостью наносил удары в эти места и, судя по идеально ровным линиям ран, делал это намеренно. Снова и снова, чтобы причинить максимальную боль.

– На всю спину?

У него целы и без ран только эти места – от лопаток до ягодиц.

– Да, – коротко отвечает, напрягаясь всем телом.

– Почему именно череп?

Его руки с силой впиваются в кушетку, заставляя ту задрожать.

– Почему я должен отвечать на этот чёртов вопрос?

Ещё одна дрожь проходит по кушетке от силы его злости, которую вызвал мой вопрос.

– Потому что не начну работу, пока ты не скажешь мне значение татуировки.

Это моё условие работы, которое никогда не изменится. Татуировки не бью без определённого смысла – для смеха, по пьяне, просто посвящённые бывшей девушке или парню. Этой ерундой не занимаюсь. Мне нужен смысл.

Карие глаза, горящие пламенем и желанием крушить, смотрят в мои, показывая свои намерения в надежде напугать меня. Но, увы, этому здоровяку не повезло: мне просто похуй на смерть и тем более на страх.

– Я могу убить тебя, – с угрозой произносит он, сильнее сжимая кушетку.

– Вперёд, – отвечаю, пожав плечами и протянув ему машинку для нанесения татуировок.

– Набьёшь тогда себе эту хрень сам на спине.

И вот снова в ответ смех, который разгоняет тучу над нами. Но это мгновение быстро заканчивается. Парень отпускает руки с кушетки, отводит взгляд, пытаясь расслабить тело, скованное напряжением.

– Разве тебе не нужен эскиз?

Если он думает, что сможет избежать ответа на мой вопрос, то его ожидает разочарование.

– У меня есть один эскиз черепа, и тебе всё равно понадобится не один сеанс, чтобы набить эту татуировку на всю спину. Сегодня сделаем только верхнюю часть.

Кивает в ответ, погружая нас в тишину, и остаётся ждать.

– Череп... – со вздохом произносит, опять замолкая, но через пару секунд продолжает:

– Хочу, чтобы его видел каждый мой противник и бежал в другую сторону. Хочу, чтобы они видели послание смерти, которое несёт моё тело. Хочу, чтобы у них был шанс избежать этой

участи, этой боли, которую не хочу причинять им, – он снова замолкает на долгую секунду, тяжело дышит. – Поэтому череп.

Что-то сжимается в моей груди впервые за долгие годы. За десять минут нашего знакомства этому парню удалось пошатнуть мою холодную сторону – то, что не удавалось никому с того дня, как началась моя игра на выживание.

Встаю с кресла, игнорируя этот факт, и направляюсь к столу, где хранятся все мои рисунки. Открыв ящик, сразу же нахожу тот, что нужен: череп на листе формата А4. Нарисован он был после очередного ночного кошмара, где было лицо человека, который по сей день остаётся моим Дьяволом.

– У меня есть такой эскиз, – протягиваю листок к его лицу, давая изучить.

Карие глаза вспыхивают, и парень отрывисто кивает.

– Идеально.

– Тогда тебе нужно подождать, пока перенесу эскиз на лист подходящего размера. Только после этого начну набивать его на верхнюю часть твоего тела.

Снова отрывистый кивок – и больше ничего, лишь тишина. Мне это нравится.

Как только приступаю к работе и стержень моего карандаша касается бумаги, полностью погружаюсь в мелодию тишины, и весь мир вокруг растворяется. Да, в тишине слышны звуки – они едва уловимы, но ощущаются. Тепло окутывает моё тело, а рука быстрыми, заученными движениями творит то, чему меня учили с детства.

Это единственная связь, которая осталась, и тепло, которое ощущается в эти моменты, подтверждает, что мама не солгала мне. Или, возможно, это всего лишь самовнушение.

Но какая разница, если она рядом в этой игре хотя бы так?

Когда очертания черепа появляются на бумаге, слышится её тихий голос – мелодия без слов, которую она всегда напевала, сидя рядом со мной, когда рисовал.

Её рука нежно скользила по моим волосам, а голос убаюкивал весь негатив вокруг нас.

«Я рядом. Я всегда буду рядом».

Но когда заканчиваю растушёвку черепа, мелодия тишины внезапно растворяется, и голос мамы затихает окончательно, оставляя меня в этом вечном холоде и нескончаемой игре. Смотрю на законченный рисунок, и в голове появляются глаза Дьявола моего прошлого – злые, красные от ярости и гнева. Безжалостные глаза, наводящие ужас и страх.

– Ты в порядке?

Медленно поднимаю голову, глядя на парня, который напряжённо наблюдает за мной.

– Теперь будем переносить эскиз на верхнюю часть спины. Предупреждаю сразу: это не самое безболезненное место.

Парень вздёргивает одну бровь, бросая на меня взгляд: «Ты серьёзно?».

Действительно, не подумал.

Всё в его теле говорит о том, что он ежедневно купается в боли.

– Боль не пугает меня.

Он отводит голову в сторону, кладя её на согнутые руки, пока завожу машинку, прекращая весь диалог. Долгое общение с людьми высасывает из меня энергию и вызывает раздражение.

– Тогда начнём.

И вот вновь: тишина, звук машинки и теплота.

Наношу очертания черепа на лопатки, сразу делая тень, и, на удивление, парень даже не шипит. Хотя знаю, что это может быть неприятно. Но, судя по ранам на его теле, этому здоровяку приходилось проходить через боль гораздо сильнее этой.

Зачем вообще принял его? Зачем помогаю справиться с этой темнотой в карих глазах?

Помогать людям перестал ещё в детстве – это была одна из просьб матери. Но это милосердие всё ещё живёт в холодном сердце, не собираясь его покидать. Оно лишь уснуло на время, чтобы в один момент сбить меня с ног, как сейчас.

«Это просто татуировка, Алекс. Просто череп. Не делай из этого больше, чем есть на самом деле. Заглуши».

Мысленно проговариваю, погружаясь в образ, который будет со мной до конца. Маска льда. Несокрушимый лёд. Вот кем меня сделала игра на выживание. Но, несмотря на эту маску, чувствуется тепло, и сознание полностью покидает эту реальность, растворяясь в моменте. Растворяясь в тишине, где есть только рисунки, молчаливая мелодия и мама.

Не знаю, сколько проходит минут, часов. Рука начинает ныть от напряжения, а глаза закрываться от усталости. Отвожу машинку от кожи, где уже положено начало, и смотрю на результат.

Верхняя часть черепа до чёрных бездонных глаз готова. Но потребуется ещё сеансов пять, чтобы завершить работу. Сейчас это выглядит не идеально, но в следующий раз татуировка будет доработана.

Поднимаясь с кресла, наклоняюсь к парню. Тот тихо сопит, а грудь медленно вздымается.

Серьёзно? Уснул во время того, как ему причиняли боль иглой?

Первый такой неадекватный клиент.

Тянусь, чтобы дёрнуть его за плечо и разбудить, но взгляд цепляется за раны, которые сильно кровоточат. В голове невольно всплывает образ девочки из прошлого с бездонными чёрными глазами.

Её худое маленькое тело, усеянное синяками и каплями крови от укусов. Её глаза, которые смотрят на меня со злостью и нежеланием сдаваться. Её руки, сжатые в кулаки. Её жизнь, которая потихоньку уходит из детского тела.

Чёрт.

Сжав губы и сильно встряхнув головой, чтобы согнать этот образ, убираю руку и хватаю чистые полотенца. Наношу на них небольшое количество спирта.

Выглядят раны плохо, но накладывать швы не нужно.

Мягким движением руки прикасаюсь, убирая кровь и грязь. Он даже не просыпается. Хотя уверен, что они должны невыносимо жечь от спирта. Через что ему пришлось пройти, чтобы добиться столь сильной бесчувственности?

Наклоняюсь вперёд к самой глубокой ране на руке, возле плеча. Сильная и крепкая ладонь смыкается на моей шее, отодвигая в сторону.

– Что, чёрт возьми, ты делаешь?

Карие глаза горят. Но не от боли. Это совсем другие эмоции.

Неожиданность. Неверие.

Эмоции, которые в прошлом всегда были в детских чёрных глазах, когда проявлялась забота.

– Спасая своё рабочее место от твоей крови.

Парень отпускает шею, резко встаёт с кушетки, слегка шатаясь. Он больше не смотрит в мою сторону, действует машинально и быстро, чтобы, видимо, убраться подальше от эмоций, которые ему несвойственны. Как и мне. Но каждая маска однажды даёт треск.

– Мы закончили на сегодня?

Он тянется к своей футболке, натягивает её через голову, не обращая внимания на то, что я ещё даже не заклеил татуировку.

Остаётся только надеяться, что парень додумается сделать это самостоятельно, глядя на его руки, покрытые татуировками. Он должен знать этот нюанс и не испортить мою работу, иначе на следующую запись его не возьму.

К моим творениям – только с уважением.

Ещё одно правило моей работы.

– Да, в следующий раз только по записи.

Он кивает в ответ, стремительно направляясь к двери. Но резко замирает перед ней, бросая на меня взгляд через плечо. Прежние эмоции ушли из его карих глаз – осталась лишь пустота, как и в моих: только лёд.

– Спасибо. Я не останусь в долгу.

Ухмыляюсь, качая головой.

– Мне от тебя ничего не нужно.

Парень улыбается в ответ и, открывая дверь, делает шаг наружу.

– Это только мне решать.

С этими словами он уходит.

И остаюсь один. Как всегда.

Должен был привыкнуть к этому за все годы скитаний, но всё ещё делаю всё, чтобы почувствовать тепло рядом. Почувствовать, что не один в этой игре.

Закончится ли это когда-нибудь?

И в голове мелькает тихий ответ, который всегда слышу, но игнорирую:

«Игра закончится, когда настоящее станет явью».

Глава 7

Daylight – David Kushner

Пытаюсь следовать за твоим светом, но с наступлением ночи,

Прошу, не оставляй меня одного

Мелани, 17 лет

Боль пронизывает висок, когда открываю глаза от яркого солнца. Тут же зажимаю глаза, не в силах выдержать утреннюю яркость. Сухость во рту лишь усугубляет состояние.

Вот дерьмо. Мама была права, говоря, что пьющие девушки грязные. Именно так ощущается сейчас собственное состояние – тяжёлое похмелье.

Где вообще нахожусь?

Преодолев боль в глазах, наконец осматриваюсь. Лежу на маленьком диване, укутанная в тёплое одеяло. На тумбочке рядом стоит стакан воды. Почти вскрикиваю от счастья, но вовремя останавливаюсь, заметив спящую девушку в кресле в другом конце комнаты.

Кто она?

Схватившись за голову, пытаюсь отчаянно выудить из памяти вечер, который водка щедро окутала туманом забвения.

Хотелось забыться – и воспользовалась способом Джона.

Что ж, забыться удалось.

Но память, хоть и обрывками, понемногу возвращается.

Мой ночной побег из интерната.

Покупка водки в круглосуточном магазине на последние карманные деньги.

Вонючая урна, на которую облакачиваюсь, желая, чтобы водка убила меня и оказаться рядом с родителями.

Черноволосая незнакомка, чьи слова поселили в моём сердце надежду:

«В твоей жизни обязательно появится человек, который заполнит пустоту внутри – может, и маленькую часть, но этого будет достаточно, чтобы жить».

Не запомнила весь наш диалог, но эти слова помню отчётливо.

Эта девушка из переулочка выслушала всю мою пьяную тираду, привезла к себе домой и всю ночь провела рядом.

Тепло окутывает моё сердце. Эти ощущения возникают каждый раз, когда ко мне проявляют заботу. Но как только это отношение заканчивается, остаётся лишь пустота.

Сделав большой глоток воды и осушив весь стакан, чувствую, как дыхание возвращается в лёгкие.

Боже, больше никогда в жизни так пить не буду. Водка теперь определённо в чёрном списке.

Решила выпить её не только из-за нехватки денег, но и потому, что мама всегда ненавидела этот алкоголь. Сделала это ей назло, жаль только, что в этом больше нет смысла.

Мамы больше нет. Она больше не накричит на меня. Не наругает.

Сдерживая слёзы, тихо сбрасываю с себя одеяло и ощущаю, насколько вся мокрая от пота. Это вызывает волну тошноты. Нужно уйти отсюда, прежде чем поставлю себя в ещё более неловкое положение перед этой девушкой, завоняв похмельем всю её квартиру.

Аккуратно встаю, смотрю на девушку и молюсь, чтобы она не проснулась. Сделав пару шагов в сторону коридора, где дверь, замираю, когда незнакомка тяжело вздыхает, переворачиваясь на другой бок в кресле.

Как она проспала на нём всю ночь? Действительно так сильно переживала за меня?

Чувствуя, как слёзы стремительно скапливаются в глазах, ускоряю свой осторожный шаг, больше не оборачиваясь назад.

С облегчением вздыхаю, когда оказываюсь в коридоре и не слышу никаких звуков позади. Девушка не проснулась, а значит, можно спокойно уйти и забыть этот день.

Натягивая свои потрёпанные белые конверсы, обращаю внимание на стопку писем, валяющихся на полу.

Серьёзно? Кто сейчас пишет письма в нашем веке?

Выкинув эту деталь из головы, на которую никогда не получу ответа, открываю дверной замок.

Боже, хоть бы этот звук никак не дошёл до девушки.

Открыв дверь, замираю, прислушиваясь.

Тишина и только едва слышимое сопение.

А вот и самое время уйти.

Но куда мне идти?

Закрываю дверь, выбегаю в подъезд, где уже можно ускорить шаг, не заботясь о шуме.

На улице подставляю голову вверх к солнцу, желая, чтобы этот свет и теплота проникли не только на кожу, но и внутрь.

Сколько бы так ни стояла, абсолютно ничего не происходит. Тепло не проходит дальше, а внутри остаётся лишь холод, перемешанный с болью.

Опускаю голову вниз, поправляю своё грязное платье. Надо ускориться. Если мне не изменяет память, то из этого района можно выйти в центр города.

Но что дальше?

Желудок сжимается и громко скулит. Даже не помню, когда последний раз давала своему организму пищу. Последние карманные деньги потратила на водку.

Продолжая быстро идти, погружаюсь в свои мысли в поисках решения.

Где ночевать?

Можно в парках ночью, где меня не найдёт полиция, либо найти заброшенные здания. Но это опасно, и меня могут убить или изнасиловать. А есть ли у меня выбор? Нет. Если выбирать между интернатом и жизнью на улице, выберу второй вариант. Первое место убьёт меня быстрее улицы.

Так, а что мне есть? Ни за что не начну копаться в мусорках и убивать животных.

Чёрт, в семнадцать лет приходится задумываться о том, как выжить на улице.

Все вышеперечисленные варианты делают меня попросту уличным бомжом, а значит, нужно найти работу, чтобы вылезти из этой ямы. Но какая работа, когда я несовершеннолетняя, и меня, вероятно, ищут сотрудники интерната вместе с полицией? Значит, нелегальная работа. Можно начать раздавать листовки, мыть туалеты.

Может, всё-таки есть шанс спасти себя своими силами и начать жить?

Тяжело сплываю, чувствуя боль в ногах от быстрого шага. Осматриваю улицу и замечаю, что остановилась в оживлённой части города. Смотрю на людей, на их безразличные лица, чувствуя, как пустота в груди расширяется. Людям абсолютно плевать друг на друга. Никто не замечает гуляющего в одиночку подростка с разбитыми коленками и грязной одеждой. Никто не замечает худую бабушку с трясущейся рукой у перекрёстка, которая просит помощи. Никто не замечает хромающую кошку.

Никто не замечает чужой боли и трудностей. Ты никому не нужен. Ты – это ты. Всем плевать на тебя, и только ты сам можешь позаботиться о себе.

Но это осознание никак не уменьшает желание в груди, чтобы хоть раз кто-то взял ответственность за меня. Чтобы хоть раз позволили быть маленькой девочкой, любящей жизнь и не знающей, что значит пустота внутри.

Что-то мокрое падает на мою грудь, и понимаю, что вновь плачу, и никто вокруг этого не видит.

Быстро вытираю слёзы. Не время жалеть себя.

Справлюсь сама. Выживу. Сама стану себе домом. Сама прокормлю себя.

Эти мысли немного вселяют веру внутрь, и продолжаю идти вперёд, несмотря на боль. В отличие от остальных моих серых будней, этот день наполнен долей мотивации, которая придаёт силы жить. И невозможно отрицать, что это влияние голубоглазой незнакомки. Её слова снова звучат в памяти – их не смог стереть даже алкоголь:

«Боль всегда будет рядом, как отголосок прошлого, как точка твоего роста. Не пытайся забыть, не вини себя и не жалея. Она никуда не уйдёт, если ты умрёшь. Это твоя тень, которая дала шанс вырасти. Принимай боль и просто живи».

Смогу ли принять свою боль? Смогу ли жить? Не знаю.

Мои ноги горят, мне нужно сделать перерыв. Осматриваюсь в поисках лавочки. Нужно присесть, иначе потеряю сознание от бессилия. Но взгляд цепляется не за лавочку, а за слишком знакомое и злое лицо управляющей моего интерната.

Вот дерьмо.

Меня нашли.

– Посмотри на себя, – держа меня за волосы сзади, Мередит, управляющая интерната, куда меня засадила мать, заставляет смотреть на собственное жалкое отражение в зеркале и давиться молчаливыми слезами от боли.

Дёргаю головой, не давая этой злостной женщине желаемого. Не буду насильно смотреть на себя в зеркало. Ни за что не признаю то, что обо мне всегда говорила моя мать:

«Жалкая, испорченная, порочная».

Не признаю этого вслух.

Мерedit разочарованно вздыхает, толкает меня от зеркала в другую сторону, и падаю на деревянный пол. Сжимаю челюсть от всплеска ударной волны по всему телу, когда колени с громким стуком сталкиваются с полом.

– Твоя мать была права насчёт тебя, – поднимаю голову на Мерedit после этих слов, готовая услышать очередную порцию дерьма от моей матери даже тогда, когда её больше нет в этом мире.

Но управляющая молчит, довольная тем, что привлекла моё внимание, что зацепила нужную струнку внутри, питаюсь моими страданиями.

– Права насчёт чего? – тихо задаю вопрос, сжимая руки в кулаки.

Ничего не могу с собой сделать. Наверное, сколько бы времени ни прошло, меня всегда будет заботить мнение матери обо мне. Всегда буду стремиться к её одобрению, даже если это не будет иметь смысла.

Мерedit наклоняется, приближает своё лицо со злобной ухмылкой.

– Права в том, что у тебя лицо ангела, но на самом деле ты сущий дьявол, Мелани.

Ярость и обида на мать, смешанные с болью, взрываются в груди, и подрываюсь на ноги, толкая управляющую в другую сторону, подальше от себя.

Мама рассказала этой женщине о ситуации, когда застала меня целующейся с парнем на моей кровати. Именно эти слова она мне сказала в тот день. Она обсуждала и осуждала меня с этой женщиной. Свою родную дочь.

– Это не так! – срываюсь на крик, совсем переставая контролировать эмоции.

Будто вернулась в тот день, когда мать за маленькую оплошность, которую совершила под действием своих подростковых бушующих гормонов, назвала меня отродьем Дьявола.

– Уверена? Судя по тому, что мне рассказала твоя мать о тебе, ты настоящая шлю...

Мерedit не успевает договорить, потому что, ослеплённая яростью, ещё раз толкаю женщину настолько сильно, что та ударяется головой об стену позади с громким хлопком.

– Охрана!

От громкого крика Мерedit даже не вздрагиваю – настолько меня захватила обида.

К чему были твои извинения в письме, мам? Если даже после смерти продолжаешь унижать моё достоинство через других людей.

Двое высоких мужчин в чёрной форме врываются в комнату, начинают быстро осматривать пространство глазами.

– Отведите её в закрытую комнату для особо, – женщина делает паузу, бросая на меня зловещий взгляд, – ... тяжёлых детей.

Грустно улыбаюсь.

Всю свою жизнь старалась быть лучшей во всей школе, ложиться спать до девяти часов вечера, не гулять и не развлекаться, как другие подростки, не краситься, заплетать свои волосы в самые тугие и ужасные причёски, чтобы услышать:

«Ты тяжёлый ребёнок».

Натыкаюсь на стену, цепляясь в неё ногтями, чувствую, как это ломает их.

– Я ничего не сделала. Я защищала себя, потому что вы назвали меня шлюхой! – охранники не обращают внимания на мои слова. Подходят вплотную, и поднимаю на них взгляд, не теряя надежды, что хоть кто-то поможет мне в этом месте. – Вы слышали меня? Слышали, как она относится к детям?

Но меня прерывают – сильно хватают за обе руки, начинают вытягивать из комнаты.

– Нет, отпустите меня! Вы не имеете права!

Соппротивляюсь, упираясь пятками в пол, но меня всё равно начинают волочить по полу, будто не человек, а обычный мешок с мусором.

Мои крики звучат на весь коридор, но меня всё равно не слышат и продолжают тащить, полностью игнорируя. Слышу только смех позади. Смех Мередит, которая наслаждается моим унижением.

Когда перед глазами появляется дверь в ту самую комнату, в которой никогда больше не хотела оказаться после моей первой стычки с управляющей, начинаю плакать навзрыд, но и это никто не слышит. Не замечает.

– Пожалуйста, – тихо произношу, наплевав на ту маленькую каплю гордости, что есть внутри меня, перестав с ними бороться, но всё без толку.

Охранники открывают дверь, где впереди одна лишь темнота, и буквально бросают меня внутрь, громко хлопнув дверью напоследок.

Падаю на колени, чувствуя, как сердце словно сжали в кулак с такой силой, что дышать невозможно. Одиночество охватывает меня, словно кокон, сжимает в своих объятиях и не позволяет вдохнуть. Боль в сердце, безысходность – всё это душит меня. Но, к сожалению, не убивает.

Совсем одна. Никому не нужная. Никем не любимая.

Шатаюсь, поднимаюсь с колен, пытаюсь в темноте найти кровать, на которой даже одеяла не будет, чтобы согреться. Мередит отлично позаботилась о том, чтобы я пожалела о своих действиях и стала покорной марионеткой.

Но больше не хочу быть такой.

Уже была куклой для своей матери, послушной и примерной дочерью, которая всегда выбирала чужие желания, но никогда свои. И к чему это привело? К тому, что оказалась в интернате. К тому, что потеряла всё. Какой бы послушной ни была, всем плевать – никто этого не увидит. Но стоит допустить хотя бы одну ошибку, как они тут же заметят её и заставят страдать до последнего.

Именно это делает моя мать. Даже после смерти.

Наконец нащупав кровать, падаю на неё, морщась от того, насколько твёрд матрас. Сейчас всё бы отдала за ту тёплую, мягкую детскую кровать в родительском доме, где на ночь папа всегда читал сказки. Тогда хоть один человек на этом свете любил меня.

Закрыв глаза, сворачиваюсь в позу эмбриона, стараясь хоть так согреться. Дрожа всем телом, чувствую, как в глазах начинает жечь от потока слёз, от чувства безысходности и потерянности внутри.

В такие моменты, которые не заканчиваются с тех пор, как умер папа, начинаю бояться мыслей в своей голове. Потому что в них нет ничего, кроме:

«Прекрати свои страдания. Покинь этот мир. Всем будет от этого только лучше. Никто тебе не поможет, ты слишком жалкая. Ты будешь всю жизнь одна. Это конец. Тебе нужно просто это закончить, и тогда боль уйдёт. Смерть может стать спасением».

А может, это действительно мой единственный способ помочь себе. Никто не придёт спасать меня. Придётся терпеть унижения Мередит. Терпеть постоянные наказания. Жить в закрытой и отдельной комнате в одиночестве. Буду страдать от боли, а я так устала. Так сильно, что уже не выдерживаю. Но если сделаю это, то всё закончится. Всем станет легче без моего проблемного существования.

Зачастую люди пытаются избежать смерти любой ценой. Они молятся, чтобы прожить долгую жизнь. Но не я. После каждой ссоры с мамой всегда думала о ней.

А сейчас мысли слишком громкие:

Смерть. Смерть – твой единственный выход.

Так ли это?

В голове всплывают слова незнакомки с голубыми глазами, и вспоминаю, что это – не выход.

Но это её слова, не мои, а я всё ещё думаю иначе.

Не знаю, сколько прошло времени и который сейчас час, но за окном светло, что позволяет теперь видеть и не находиться в одной глубокой темноте. Не сомкнула глаз всю ночь, прокручивая в голове последнюю мысль. Думая об этом, не чувствовала никакого страха. Только смирение и, наверное, безразличие.

Меня ведь и вправду ничего не удерживает в этом мире. Никому не сделаю больно своим уходом. Работники и дети интерната забудут обо мне через пару дней, а Мередит облегчённо выдохнет, понимая, что была права.

Правда в том, что я слабая и жалкая.

Кулак сжимается вокруг простыни, застеленной на матрас, а глаза поднимаются вверх. Смотрю на люстру, и план того, как всё это закончить, зарождается в голове.

Пора перестать заботиться о том, что обо мне подумают другие.

И снова не чувствую страха внутри из-за этих мыслей. Только чёткий план действий в голове и безразличие в сердце. Когда замечаю наличие стула в дальнем углу комнаты, моя решимость ещё больше крепнет. Медленно, чувствуя слабость во всём теле, встаю на ноги с кровати. Всё вокруг кружится. Замираю и начинаю массировать виски пальцами.

Когда я ела последний раз?

Но это уже неважно.

Больше ничего не имеет значения, ведь скоро всё закончится.

Когда головокружение проходит, стягиваю простыню с кровати и, прижав её к себе, застываю в этом положении.

Было бы маме больно увидеть меня в таком положении? А папе? Или им было бы наплевать?

Этого не узнаю. Мы попадём в разные миры, и больше их не увижу. Мама больше не сможет унижить меня.

Сжимаю глаза, чувствуя, как боль нарастает в груди от осознания, что моим родителям было бы всё равно, жива я или мертва. Мать избавилась от родной дочери, сдав меня в интернат, а отец бросил и оставил с женщиной-тираном, зная, что она сломает меня своим характером.

С закрытыми глазами и дрожащими руками закручиваю простыню, оставляя пространство для шеи, настолько маленькое и тугое, чтобы не страдать слишком долго.

Открываю глаза, когда чувствую, что слёзы закончились, а в сердце снова поселилось безразличие.

Ну вот и всё.

Осталось пододвинуть стул.

Надев самодельную петлю себе на шею, иду в дальний угол комнаты, забрав стул. Ставлю его напротив люстры и, преодолевая слабость в теле, с трудом не упав, залезаю наверх. Голова ещё больше кружится, когда запрокидываю её назад, цепляя простыню на люстру.

Делаю всё быстро, не медля ни секунды, желая поскорее всё закончить. Или, может, просто боюсь не решиться на этот шаг в последний момент?

Без колебаний натягиваю петлю на шею, затянув потуже, и устремляю взгляд наверх. Как бы ни хотелось этого признавать, но детская, глупая надежда всё ещё живёт в моём сердце. Надежда, что я кому-то всё же нужна, что кто-то придёт и спасёт меня.

Но дверь не открывается. Никто не приходит. Как и всегда.

Поднимаю одну ногу, вытягивая вперёд, ещё шаг второй ногой – и всё закончится. Зажмуриваюсь, когда сомнения, которые всё это время молчали, врываются в мою голову.

А вдруг поступаю неправильно? Может, всё ещё изменится? Нужно просто перетерпеть – и стану счастливой?

Ставлю ногу обратно, когда сомнения становятся сильнее. Видимо, слабее, чем думала.

Зажав губу между зубами, стою на стуле посреди комнаты с петлёй на шее, не решаясь убить себя. Моё сердце настолько противится сейчас этому решению, что в шаге от того, чтобы всё прекратить и жить дальше.

«Серьёзно, Мелани? Ты жалкая и слабая. Давай, сними петлю. Терпи это дерьмо до конца своих дней. Терпи унижения, боль, ненужность. Терпи, что никогда не будешь любима. Продолжай терпеть и ныть. У тебя это отлично выходит».

Эти мысли поглощают сознание, заставляя признать правду. Правду, в которой не выживу. Правду моей жизни, в которой никогда не будет ничего хорошего.

«Лучше бы я сделала аборт, и ничего бы этого не было».

Слова матери всплывают в голове, и сильнее сжимаю петлю на своей шее руками, но не снимаю. Эту фразу мать сказала мне после развода с отцом. Она винила всех в произошедшем, но не себя.

Но, может, если бы меня действительно не было в их жизнях, всё было бы по-другому? Мама была бы другой, счастливой и свободной? Может, действительно демон, который всё разрушает, как говорила мама?

Дрожа всем телом, делаю шаг вперёд, затем ещё один и, наконец, падаю в руки смерти.

Когда кислород перестаёт попадать в лёгкие, а ноги панически дёргаются в разные стороны, перед глазами не пролетают счастливые моменты моей жизни. Есть только темнота. И больше ничего.

Открываю рот, пытаюсь глотать воздух, чувствуя, как сердце замедляет свой темп.

Чувствую, как медленно умираю.

Когда в последнюю секунду мои глаза закатываются, уже не вижу темноту. Внезапно передо мной появляется девушка.

Вижу её глаза вдали – широко раскрытые, полные ужаса и отчаянного желания спасти меня.

Неужели я кому-то нужна?

Глава 8

Runrunrun – dutch melrose

*Думаю, нашёл новую зависимость,
и она ощущается такой правильной.*

Алекс, 24 года

Виски обжигает горло, когда делаю большой глоток, чтобы выдержать болтливость Гарри, превышающую лимит моей социальной выносливости.

Целый день прошёл рядом с этим клоуном за решением проблем клуба. Пока договаривался с новыми партнёрами, этот выводил на эмоции их работников, и если бы не умение гасить чужую агрессию, всё закончилось бы перестрелкой.

Пошёл уже четвёртый год с тех пор, как набил Райану первую татуировку, начал работать на него, и мы создали свою организацию. Изначально преследовал личную цель – нужны были связи и деньги. Хотел вклиниться в преступный мир, чтобы найти отца и закончить эти прятки.

Но спустя столько лет эти парни стали мне семьёй, а мысли о поисках отца размылись на фоне всех событий нашей маленькой банды. За все годы удалось узнать лишь то, что отец Райана никогда не имел связей с торговлей детьми.

– Ты, холодный ублюдок, вообще слушаешь меня? – возмущённо спрашивает Гарри, толкая в плечо и не забыв при этом изобразить обиду на лице.

Грёбанный ребёнок.

Закатываю глаза, ставлю бокал на стол, осматривая обстановку в нашем клубе. Продолжаю игнорировать друга. Гарри давно превысил мой недельный лимит общения, высосав из меня все соки.

Последний год мы с нуля поднимали бизнес Райана в Чикаго, который любезно подарил сыну Габриэль. Правда, его настоящие намерения до сих пор остаются неясными. Райан думает, что его отец сделал это для того, чтобы сын страдал вдали от матери и Эбби, но интуиция подсказывает, что это далеко от истины.

Ещё один толчок в плечо заставляет покинуть тихое место в голове и вернуться к общению с бесящей букашкой.

Гарри, ухмыляясь, указывает головой в сторону клеток с нашими танцовщицами. Выглядит он чертовски гордо.

– Я на протяжении десяти минут, пока ты любезно меня игнорировал, хвалился тем, что отобрал лучших девушек для наших клубов, – друг закусывает губу, не сводя взгляда с танцующих девушек, которые кружат на пилонах. – И ты, задница, просто обязан оценить каждую.

Гарри лукавит. Его горячий взгляд в сторону девушек – ложь. Только одна особа способна разжечь в нём огонь, и это не шлюхи наших клубов.

Парень толкает ногой в голень, и тяжело вздыхая, сдерживая порыв ударить клоуна.

Никто и никогда не оскорблял меня так много и так регулярно, как называемый «лучший друг», и если бы не тёплые чувства к Гарри, то его труп уже давно нашли бы в каком-нибудь убогом районе Детройта.

Чтобы Гарри отвалил от меня, перевожу взгляд на девушек, рассматривая каждую.

Развратные наряды. Много голых и соблазнительных участков кожи. Слишком сильно накрашенные лица. Густые волосы, которые я бы натянул на кулак пока трахал бы одну из них.

Но внутри абсолютно ничего.

Ни одна не привлекает, как бы грязно ни представлял девушек в голове.

Все посредственные. Обычные. Скучные.

Ни одна не вызывает тепла в области сердца.

Только едва ощутимое физическое влечение, но, в отличие от Гарри, не сплю с теми, с кем работаем. Это нарушает мою трудовую этику. Жаль, что мой друг не знает даже значения слова «этика».

– Что скажешь? – опять толкает меня, ожидая вердикта.

– Ничего впечатляющего, – пожимаю плечами, перестав рассматривать танцовщиц.

Гарри хватается за сердце, практически падает на пол с дивана, смотрит на меня ошарашенно.

Этому парню нужно было податься в актёрство или в цирк, а не в преступную организацию.

– У тебя инсульт?

Внезапный голос Райана застаёт нас врасплох. Взяв ещё одну бутылку виски у проходящего официанта, друг присаживается к нам, рассматривая Гарри, который всё ещё остаётся в позе, где одна его рука массирует сердце, а лицо изображает ужас.

– Алекс гей, – тихо произносит Гарри, указывая своим тонким пальцем, который сейчас сломаю, в мою сторону.

Райан давится виски, начинает хлопать себя по груди и через кашель задаёт слишком глупый вопрос этому клоуну:

– Ты идиот?

Это, блядь, очевидно.

– А ещё и скоро мертвец.

После моих слов Гарри отскакивает на другой диван, подальше от меня.

– Он сказал, что мои девочки с охрененными задницами и сиськами его совсем не впечатлили! – восклицает Гарри, размахивая руками в разные стороны. – Райан, посмотри на каждую и согласишься, что так может ответить лишь долбанный гей!

Клоуну конец.

Уже собираюсь встать и поставить сопляка на место, но рука Райана толкает меня обратно. Его взгляд направляется в сторону девушек, и ни одна эмоция не проскальзывает на лице. Ухмыляюсь, зная, что все его эмоции заняла другая особа с голубыми глазами и с такими связями, которые могут стоять нам всего.

– Тебе пора научиться профессионализму и оценивать сотрудников не по задницам и сиськам, Гарри, а по тому, какую прибыль эти девушки могут нам принести, – голосом главаря, который использует крайне редко, произносит Райан, убирая от меня руку.

Глаза Гарри закатываются, а средний палец устремляется в нашу сторону.

– Если бы я вёл себя профессионально... – на последнем слове он изображает кавычки пальцами, затем продолжает: – то все твои бои и клубы, Райан, не достигли бы той посещаемости, что у нас есть сейчас. Клиенты приходят к нам не за профессионализмом, а за адским весельем, и я могу им это обеспечить.

Райан рассматривает Гарри, ничего не отвечает на его слова, и тот победно ухмыляется. Понимает, что выиграл эту словесную битву.

– Не ухмыляйся так чертовски гордо, это вызывает у меня желание ударить тебя в твоё мерзкое лицо.

Гарри только смеётся в ответ на угрозу Райана, делая эту победную ухмылку на лице ещё шире.

– Научись принимать поражение, дорогой мой босс.

Этот клоун действительно сегодня выроет себе могилу, а я не собираюсь быть этому свидетелем, поэтому поднимаюсь со своего места, желая уйти в тихое место.

– Ты куда? – останавливает Райан, его карие глаза горят подозрением.

Он всегда слишком хорошо чувствовал всё наше дерьмо, но сегодня действительно не задумывал ничего такого, за что его опекающей заднице стоило бы опасаться.

– Домой, – отвечаю, глядя ему в глаза, чтобы он понял: не лгу.

– Зануда, – вставляет своё слово Гарри, делая глоток виски.

Райан держит меня за руку, наклоняется ниже, продолжая смотреть мне в глаза.

– Тайлер сказал мне, что ты ищешь одну женщину из своего прошлого, – всё моё тело напрягается. Этот мудака чертовски верен Райану и, к сожалению, этого не учёл, когда решил рискнуть. – У меня только два вопроса: зачем? И почему ты сразу не обратился с этим вопросом ко мне?

Если бы обратился к тебе с этим вопросом, Райан, ты бы узнал то, что может стоять тебе жизни.

Но говорю совсем не это вслух.

– Зачем мне делать работу других людей? Верный пёс тебе всё доложит и без меня. У нас ведь не может быть личных секретов и действий за спиной, как у тебя, Райан.

Друг сразу же отпускает меня, услышав мой ледяной тон. Райан может быть мне близким человеком, единственной семьёй, но это не даёт ему права становиться моим «отцом» и лезть туда, что является моим личным делом.

Ухожу, не забыв показать средний палец клоуну, который провожает ехидным смехом.

Осознание, что сейчас надавил на чувство вины Райана по отношению к нам, которое он и так испытывает слишком остро из-за действий отца, вызывает неприятное чувство в области сердца. Но у меня не было другого выхода. Нужно было защитить друга от правды, и сделал это самым эффективным способом – чувствами.

Выхожу из шумного клуба, сразу же делаю глубокий вдох, наслаждаясь прохладным ветром и тишиной.

Весь день жаждал этого состояния.

Тишина, спокойствие, пустота.

Но внезапно внутри разливается тепло, будто она рядом. Будто всё закончилось.

Это лишь иллюзия.

Голова поднимается вверх, взгляд устремляется на звёзды, и в голове лишь одна мысль: «Играем ли мы всё ещё, мам?»

В память врезаются наш последний совместный день, и вопросы снова и снова всплывают в голове, вынуждая искать ответы.

Почему мама вышла замуж за такого человека, как мой отец? Почему она не ушла со мной? Что с ней произошло после? Почему решила спрятать меня? Как отец не нашёл меня? Кто был тот мужчина? Спасла ли она остальных детей?

Но найти ответы теперь будет труднее. Просить Тайлера о помощи небезопасно. Этот парень сразу сдаст меня Райану, если догадается о моём самом главном секрете.

Нужно найти другой способ для поиска ответов.

Тихие шаги на заднем плане и лёгкий толчок ветра в плечо отвлекают от неба и мыслей. Опускаю голову, стараясь прислушаться ко всем звукам вокруг.

Но как только концентрирую внимание и интуицию, шагов больше не слышно, ветер унимается.

Что это было?

Оборачиваюсь назад, рассматриваю парковку возле клуба. Возле машин никого нет, владельцы всё ещё развлекаются внутри, но уверен, что на мгновение был не один.

Достав ключи из заднего кармана, открываю машину, собираясь уехать в мастерскую и рисовать всю ночь напролёт. Это место – единственное, где могу полностью отдаться тишине и её редкому теплу. Это была наша общая мечта. Рисуя вместе, мы с мамой всегда говорили, что однажды создадим мастерскую – тайное убежище, куда не пустим никого, кроме нас.

Сделал это. Построил мастерскую. Только вот... один. Никто о ней не знает.

Уже собирался сесть в машину, как взгляд зацепился за странный листок на капоте. Пожелтевший, потрёпанный, будто время оставило на нём отпечаток.

Сначала подумал, что это просто мусор, принесённый ветром.

Но вот в чём странность – сегодня ветра почти не было.

Закрыв дверь машины обратно, тянусь к этому листку, понимая, что это совсем не мусор и не обычный лист старой бумаги.

Это конверт. А под ним лежит папка, которую не заметил сразу.

Взгляд снова пробегает по всей парковке, пытаюсь найти того, кто это оставил. Везде безлюдно.

Значит, не был один, когда рассматривал звёздное небо.

Прижав конверт и папку к груди, сажусь в машину. Не могу не заметить: как только эти вещи оказываются в моих руках, сердце начинает бешено колотиться. Закрываю глаза и откидываюсь на спинку сиденья. Такого сердцебиения давно не было – настолько быстрого и тревожного, и это доказывает, что всё ещё человек.

Что там, чёрт бы его побрал, может быть такого, что меня буквально выворачивает?

С этой мыслью разрываю конверт, желая узнать правду. Глаза цепляются за строки на бумаге, почерк незнаком. Начинаю читать вслух, переходя с громкого голоса на шёпот:

«Здравствуй, Алекс. Или, может, Айзек?»

Прошло слишком много времени с нашей последней встречи. Но я всегда следил за тобой издалека. Не знаю, каким человеком ты вырос и полностью ли примерил на себя образ Алекса Уильямса. Но одно знаю точно – ты не отпустил прошлое и всё ещё хочешь узнать правду о матери, нарушая все правила вашей игры.

Не могу тебя винить. Понимаю твои чувства. Но то, что ты делаешь, слишком опасно. Поэтому решил сам передать тебе всю необходимую информацию о ней, которая находится в этой папке.

После прочтения отпусти мать и перестань копать. Иначе выроешь себе могилу, а не найдёшь ответы на свои вопросы.

Мария бы этого не хотела.

Продолжай играть, Алекс.

И береги себя.

P.S. Твой старый друг».

От упоминания моей матери сердцебиение ещё больше ускоряется.

Не знаю, что было после того, как она спасла меня. Не знаю, где мне её искать. Ничего о ней не знаю.

Жива ли она.

Но, сжав в руках письмо, успокаивает лишь осознание, что нахожусь на верном пути. Если люди, которые были на стороне матери, нашли меня так быстро... значит, двигаюсь в верном направлении в поиске ответов на свои вопросы.

Победная улыбка расцветает на губах.

Устал быть осторожным и не забыл о нашей игре. Просто слегка поменяю правила.

Открываю окно машины, сжигаю письмо с помощью зажигалки, чувствуя, что за мной наблюдают. Глаза осматривают территорию, пытаюсь хоть что-то уловить в темноте, но внезапно замечаю то, что заинтересовало меня больше, чем отправитель письма.

Черноволосая незнакомка, слишком сильно похожая на ту, что сводит Райана с ума, шатаясь, несёт на руках светловолосую девушку к машине, ожидающей их на парковке. Лунный свет падает на светловолосую, озаряя её черты. Волны волос спадают вниз и колышутся в воздухе, словно яркие лучи солнца, пробившиеся сквозь темноту. Лицо бледное, губы – розовые и яркие. Эта девушка выглядит невинной. Она похожа на ангела.

Слежу за ними до последнего, пока черноволосая не укладывает её на задние сиденья машины, закрыв дверь аккуратным хлопком.

Эта девушка выглядит как моё новое творение.

Они исчезают.

Внутри странное возбуждение и желание найти эту девушку.

И никогда не отказывал себе в желаемом.

Глава

9

Little Talks – Of Monsters And Men
Так возьми меня за руку.

Мелани, 17 лет

Крепко держу глаза закрытыми, стараясь не выдать того, что нахожусь в сознании и слышу, как эта совсем незнакомая девушка сейчас борется за мою свободу с кем-то по телефону.

Меня переполняет такое огромное количество чувств, но больше всего терзают мысли: Почему она делает это для меня? Зачем спасает? Зачем борется?

Никто и никогда не делал этого ради меня, даже самые близкие по крови люди. Никогда не думала, что стою чьих-то жертв.

Мама никогда не боролась за меня. Отдала в интернат, чтобы «исправить» мою настоящую суть – по её мнению плохую и неподдающуюся контролю. Хотя сорвалась на неё всего один раз, не выдержав давления, которое она годами обрушивала на меня. Но это никого не волновало. Была виновата. Не стоила борьбы.

Папа оставил меня одну с ней. Оставил наедине с гневом и ненавистью ко всему живому, что поселились внутри мамы после их развода. Он никогда не боролся за право забрать меня и дать лучшую жизнь. Наверное, по его мнению, была этого недостойна, и он не хотел тратить своё время или сталкиваться с ещё большим гневом матери в его сторону.

Но эта девушка... Она совсем не знает меня. Не знает, каких проблем могу принести со своим вечным невезением, и это не остановило её – она борется за меня. Борется так, как никогда не боролись мои родители.

Сердце болезненно сжалось в груди, и ещё сильнее свернулась калачиком на заднем сиденье машины, стараясь не заплакать. Через мгновение почувствовала, что машина сбрасывает скорость, и это дало понять: мы приехали.

Куда эта девушка меня привезла?

Это точно незаконно. У неё могут быть проблемы.

Но даже осознавая это, не подаю виду, что не сплю. Хочу ещё немного побыть в другом месте, где есть свет и тепло. Так сильно не хочу возвращаться в ту тёмную комнату, что готова абсолютно на всё.

Мужской голос на заднем плане привлекает внимание, и дверь открывается с моей стороны. А уже через пару секунд меня подхватывают на руки. Боже, какие огромные и горячие руки! Стараюсь расслабиться, чтобы не выдать мужчине и девушке, что не сплю. Но сердце всё равно бешено бьётся – настолько сильно, что каждый толчок отдаётся в ушах.

Прислушиваясь к их разговору, понимаю, что этот мужчина, скорее всего, кавалер девушки. Но, судя по холодности в её тоне, она его избегает. Ну и глупая. Если у него такие руки, то даже страшно представить, какое там тело... А голос-то... с какой заботой он обращается к ней... Мужчина влюблён, а девушка, видимо, упирается.

Дверь открывается, и помещение окутывает меня ещё большим теплом. Наверное, это её квартира. Меня аккуратно кладут на мягкий диван и сразу же накрывают одеялом. Думаю, что после этого осталась одна и собираюсь уже открыть глаза, как чувствую лёгкое и мягкое прикосновение к пряди моих волос. Судя по лёгкости движений – это незнакомка. Она, едва касаясь, заправляет прядь волос за ухо, ласково проводя по ним пальцами.

Натолько материнское касание, что сердце заняло от тоски по заботе. Не помню, когда в последний раз её ощущала. Прикосновение прекратилось так же быстро, как и началось. В комнате стало очень тихо – осталась одна.

Медленно открываю глаза. Передо мной наполовину пустая и блеклая комната – будто здесь совсем никто не живёт; ощущение такое, что в этой квартире нет жизни. Только солнце из открытого окна освещает этот мрак. Уже была в этом месте, но не успела его как следует рассмотреть.

Сильнее укутываюсь в одеяло и начинаю раздумывать: что же делать дальше? Притворяться спящей и избегать реальности? Делать всё возможное, чтобы задержаться в этом месте подольше и подальше от управляющей интерната? Она наверняка уже придумывает новое наказание для меня... Но всё это прибавит ещё больше проблем этой незнакомой девушке, а не могу быть эгоисткой, как бы сильно ни хотелось.

Приняв решение, встаю на ноги и откидываю одеяло в сторону. Судя по едва слышным разговорам, квартира достаточно маленькая: выйдя из этой комнаты, сразу окажусь там, где и незнакомцы. Всё ещё чувствуя сильный стыд и стеснение, на носочках покидаю комнату и преодолеваю короткий коридор до двери, которая, думаю, ведёт на кухню; именно там слышу мужской и женский голоса.

Прикладываю ухо к двери – удаётся уловить часть их разговора.

– Я так хочу помочь, освободить детей и дать им самое лучшее, но не знаю, как это осуществить, – произносит девушка обречённым и тихим голосом, но также слышу вину.

После её слов все надежды в груди рухнули.

Может, даже не признаваясь себе, надеялась на чудо. На то, что хоть кто-то в этой жизни поможет мне и вытянет из беды. Но теперь понимаю: не помогут.

– Поешь и отдохни, завтра всё встанет на свои места, – звучит в ответ мужской серьёзный голос. Пора показаться, или всё будет выглядеть так, будто стояла тут и подслушивала.

«Ты именно это и делала, дура», – мысленно корю себя.

Усилием воли отталкиваю эти мысли и, преодолев смущение, касаюсь дрожащими пальцами ручки двери. Открываю медленно, заглянув внутрь только головой.

Двое сразу оборачиваются в мою сторону, и холодные черты лица девушки озаряет мягкая улыбка.

– Выспалась? – спрашивает она, направляясь ко мне.

Киваю в ответ, чувствуя, как щёки заливают румянец.

– Не думала встретить тебя вновь, – тихо произношу, чувствуя укол боли в груди от нашей последней встречи.

Тогда совсем потеряла контроль над собой, когда взяла в руки алкоголь, и была той, которой моя мать боялась, что стану. Была худшей версией себя и от гнева и ярости, которые бурлили тогда внутри, чувствовала себя слишком похожей... на свою мать.

– Я искала тебя, – говорит девушка в ответ, поразив меня.

Искала? Зачем?

Хочу спросить, но нас прерывает мужчина, возвышающийся над девушкой.

– Оставлю вас одних. Не забудь поесть и угостить гостью, – с улыбкой мягко обращается к девушке.

Её голубые глаза сразу загораются в ответ на его слова. Это вызывает у меня улыбку. Может быть, эта девушка ещё сама не понимает, что начинает влюбляться.

Всегда мечтала о таком взгляде в своих глазах. Первая попытка отношений с парнем закончилась крахом и одним из разломов в отношениях с матерью. Она постоянно твердила мне: «Тебе ещё рано думать о парнях и о любви», но разве это возможно контролировать в любом возрасте? Разве можно контролировать желание любви в своём сердце?

Была мечта о подростковой любви: мечтала бегать под дождём с парнем, ходить в парк аттракционов, прятаться за углами школы и целоваться, смотреть фильмы всю ночь, дарить друг другу подарки, гулять за ручку весь день по паркам, любоваться вместе закатом... Но эти мечты разрушила мать во время моей первой влюблённости в школе. Она настолько подпортила мою репутацию в глазах парней всей школы, что те даже не обращали на меня внимания после того случая.

Может, действительно моё желание любви ненормально. Но как могло быть иначе, если всю жизнь была недолюбленной? Все мы желаем то, что не можем получить.

– Проследи за ней. Она склонна забывать о себе, – уже лично ко мне обращается мужчина, и смеюсь с наигранного недовольства на лице девушки.

Он уходит, и оборачиваюсь назад, осматривая его с ног до головы. Жар ещё сильнее заликает щёки: его татуировки... громадное тело...

– Он горяч! – вырывается у меня вслух, и уже жалею об этом.

Мама всегда говорила сторониться таких парней, но, Боже! Кому они могут не нравиться? Подобные мужчины – магниты для женщин.

Девушка хмыкает от моего комментария и бросает на меня серьёзный взгляд, что заставляет нервничать ещё больше.

– Давай присядем и поговорим обо всём произошедшем.

Сажусь на стул, где ранее сидел мужчина, и крепко сжимаю руки. Сердце неистово бьётся в груди.

Сейчас эта девушка скажет мне вернуться обратно. Сейчас мой маленький покой закончится.

– Я искала тебя после той ночи. Единственное моё желание – помочь тебе. Узнав о том, что ты в интернате и что там делают с тобой, сразу же рванула забрать тебя в безопасное место. Мы найдём тебе хорошую семью, которая приютит тебя на год, а дальше ты свободна. Если ты против, сделаем так, как того желаешь именно ты. Выбор за тобой, Мелани.

Моё тело сотрясает дрожь от сильного неверия её словам. Мне дают выбор. Первый раз в жизни спрашивают, чего хочу именно я.

Где-то на задворках всех чувств есть подозрение, недоверие. Но я в отчаянии. Мне так страшно, что сделает со мной Мередит, что готова согласиться на всё. Она никогда не переходила на физическое насилие. Но лучше бы меня били палкой ежедневно, чем проживала бы её эмоциональное насилие. Тогда бы произошла ещё одна попытка убить себя. Не думаю, что во второй раз снова спасли бы.

Бог не даёт вторых шансов.

Так всегда говорила мама. И не хочу проверять эту теорию.

– Спасибо тебе. Это лучшее, что ты можешь сделать для меня.

Не в силах себя сдерживать, бросаюсь к девушке и крепко обнимаю её.

Всё ещё не понимаю, почему она помогает мне. Почему не прошла мимо.

Но сердце, несмотря на все сомнения, верит, что у неё нет плохих намерений.

Мы отстраняемся друг от друга, и чувствуется скованность. Никогда не умела выражать свои чувства словами. Даже сейчас не знаю, как общаться с этой девушкой, поэтому выкрикиваю первое, что успел предложить мозг:

– Еда остывает, – бормочу себе под нос. – Не думаю, что тот горячий парень обрадуется, если узнает о твоём пропуске приёма пищи.

– Пошёл он к чёрту!

У меня вырывается тихий смешок от грозного тона девушки и красных щёк при упоминании этого мужчины. Но мы обе поддаёмся этой волне смеха, как ненормальные.

Не помню, когда в последний раз делала это. Живот болит от того, как сильно отдаюсь забытому чувству. Кажется, прошли месяцы. Не могу вспомнить. Каждый смех был искусственным после смерти папы. Но не этот. Он реален.

Смотрю в голубые глаза девушки и чувствую сломанную душу. Они не горят, выглядят уставшими, обречёнными. Не знаю, через что пришлось пройти, но в этот момент нечто происходит в пространстве: будто свет пронизывает наши души. Мурашки покрывают каждый дюйм тела. Мы смеёмся так счастливо, что теперь совсем другие слёзы скапливаются у нас на глазах. Слёзы радости. Счастлива, что мне не нужно возвращаться в то место страданий. Счастлива, что мне дарован второй шанс благодаря этой девушке напротив, имя которой всё ещё не знаю.

Сквозь смех кладу свою руку на её и наконец спрашиваю:

– Ты мне так помогаешь, а я даже имени твоего не знаю, – хриплю, с трудом прекращая смеяться. – Как тебя зовут?

Девушка улыбается и слегка сжимает мою руку.

– Ребекка.

Смотрю в глаза, где видно столько душевной боли, несмотря на улыбку. Девушке идеально подходит это имя. Такое же красивое, как и она.

Красота девушки напротив пленительна: яркие голубые глаза, розовые пухлые губы, бледная кожа, волосы цвета воронова крыла. Девушка похожа на Белоснежку... Но эта боль в глазах и этот едва видимый шрам на ноге, скрытый татуировкой, – всё это в очередной раз доказывает, что красота не спасает в этом жестоком мире.

– Мелани? – зовёт она, сильнее сжимая мою руку.

Слишком долго смотрела ей в глаза, размышляя о девушке про себя, поэтому стыдливо отвожу взгляд в сторону. Поступила очень некорректно, ещё и думала о её судьбе...

Мою руку пронзает лёгкая боль, как будто ущипнули. Это заставляет вернуть взгляд на Ребекку. Она смотрит на меня с такой мягкостью, что грудь сжимается от потребности в таком отношении ко мне.

Так на меня всегда смотрел только отец.

– Тебе нечего стыдиться или стесняться рядом со мной. Ты свободна. Ты можешь делать всё, что угодно твоей душе. Я тебя никогда не буду судить или ругать: я не из тех людей из интерната; я такая же обычная девушка, как ты.

– Сколько тебе лет? – не выдержав любопытства, спрашиваю.

Она выглядит намного старше меня.

– Мне 21, – отвечает девушка с тёплой улыбкой.

Честно, думала, ей больше. Но не озвучиваю этого вслух. Мне кажется, цвет волос прибавляет ей возраста.

– На четыре года старше меня, – застенчиво подмечаю, закусив губы.

Девушка качает головой, притягивает меня за руку ближе к себе.

– Возраст не играет роли, тем более между нами, он совсем не имеет значения.

Почему Ребекка говорит так? Мы никто. И не успели настолько сблизиться. На лице появляется улыбка. Но внутри недоверие только крепнет. Мне никогда не везло с подругами.

– Так мы теперь подруги? – удаётся скрыть подозрение и нервозность в голосе. Звучу беззаботно.

– Давай поедим, – предлагает она, с натянутой улыбкой отпускает руку.

Мой вопрос вызвал в ней напряжение. И кажется, уловила оттенки боли на лице девушки.

– Всё-таки решила не злить своего бойфренда? – пытаюсь разрядить обстановку.

Ребекка давится водой, которую только что пила из бутылки, и смотрит на меня широко открытыми глазами, как у рыбки Дори... Это слишком смешно, чтобы удержаться от смеха. Снова настоящий. Не вымученный.

– Он не мой бойфренд и никогда не будет! – сквозь кашель выкрикивает девушка. Смеюсь ещё больше. Скулы сводит.

Всё внутри наполняется теплом, и это заставляет на мгновение забыть обо всём.

Но надолго ли?

Ничего хорошего не длилось долго в моей жизни, и боюсь, что этот раз тоже не исключение.

Пару часов спустя

Сижу на диване в гостиной Ребекки, уставившись в окно. Луна уже собирается уступить место солнцу.

Мы весь вечер провели за просмотром фильма «Мстители: Капитан Америка». Девушка заказала суши и пиццу, а я поглощала еду, словно сумасшедшая. Мы с мамой никогда не могли позволить себе ничего подобного – не потому, что не хватало денег, нет. Мама просто считала, что это вредно и губит здоровье.

Она, безусловно, была права, но разве нельзя хотя бы раз в жизни поступить неправильно и быть счастливой?

Хотя чему-то должна научиться у матери. Не залететь слишком рано. Одна ошибка в молодости стоила ей всего, в том числе и здравого рассудка.

Мне удивительно комфортно с Ребеккой. Рядом с ней чувствую себя так, будто мы знакомы всю жизнь. Мы не задаём друг другу вопросов о прошлом, о наших жизнях – нам это не нужно, чтобы нормально общаться.

Солнце на горизонте начинает подниматься.

Пора спать.

По словам Ребекки, нас завтра ждёт насыщенный день, а значит, мне нужны силы.

Встаю с дивана, чтобы закрыть шторы. Моя рука тянется к мягкой ткани, а глаза в последний раз бросают взгляд на рассвет. Но замираю, заметив силуэт вдали.

У соседнего дома стоит человек. Его лицо скрыто капюшоном, и только длинные белоснежные пряди выбиваются наружу. Не вижу его лица, но отчётливо чувствую – он следит именно за мной.

Кто это может быть? Кто-то из тех, кто писал мне в интернете? Или случайный незнакомец?

Мои конечности дрожат от страха. Хочу резко дёрнуть штору, чтобы скрыться от пугающего силуэта, но внезапный звонок телефона заставляет меня вздрогнуть и подпрыгнуть на месте.

Чёрт. Ощущаю себя героиней фильма ужасов. Медленно поворачиваю голову в сторону телефона, лежащего на тумбочке, и дрожу ещё сильнее, увидев номер соседки по комнате в интернате.

**Глава
10**

Moth to a Flame – Swedish House Mafia & The Weeknd

Как пламя манит мотылька,

я притяну тебя, я верну тебя к

тому, что тебе нужно изначально

Алекс, 24 года

– Что с тобой, босс? – Гарри наклоняется к лицу Райана, указывая головой на его ногу, которая отбивает быстрый ритм по полу. – Что заставляет тебя так нервничать?

«Голубоглазая опасность, которая может стоять нам всем жизни», – хочется ответить мне на его глупый вопрос, но оставляю мысли при себе. Гарри ничего не знает об этой девушке из ФБР и её связи с нашим «боссом».

Райан отталкивает его обратно в кресло и прекращает стучать ногой.

– У тебя, видимо, появились лишние зубы? – угрожающе произносит он, начиная разминать кулаки.

Идиоты.

Закатив глаза, оборачиваюсь к танцевальной зоне на первом этаже. Мой взгляд, как магнит, притягивает меня туда, и совсем скоро понимаю почему.

Золотистая копна волос, как маяк света, озаряет всё пространство на танцевальной зоне. Мелани Патрик. Девушка с внешностью ангела. Наши взгляды пересекались только в темноте улицы. Она смотрела на меня через окно, а я прятался в тени, пытаясь хотя бы издали насладиться её сиянием.

После той ночи, когда увидел Мелани вместе с девушкой Райана на парковке, попросил Тайлера изъять видео с камер наблюдения и собрать всю информацию о ней.

Трагичная смерть отца. Интернат. Потеря матери от рака. Попытка суицида. Несовершеннолетняя.

Не слишком яркая биография, чтобы вызвать интерес. И уж точно не та, из-за которой стоит преследовать кого-то.

Но Мелани не выходит у меня из головы с той самой ночи. Стоит закрыть глаза – и вижу её волосы, словно поцелованные солнцем. Просыпаюсь – и снова перед глазами тот же образ.

С детства, если заикливался на чём-то конкретном, было трудно от этого отказаться. Так рисование стало работой. Помощь слабым переросла в приют для животных.

Она зацепила меня. И не отступлю, пока не получу объект своего желания себе.

Встаю с кресла и направляюсь к перилам балкона второго этажа, чтобы получше рассмотреть, как эта девушка застенчиво отдаётся танцу, стараясь не обращать внимания на парней, которые жаждут коснуться её света.

Последняя мысль вызывает во мне слишком тёмные и кроважидные чувства. Пытаюсь оттолкнуть их подальше, но, чёрт, это даётся с трудом. Волосы Мелани кружат в танце, будто волны, подхваченные лёгким ветром. Щеки покрывает яркий румянец, контрастирующий с её бледной кожей, а губы застыли в полуулыбке. Она не может полностью расслабиться – взгляд всё время мечется по танцполу, как будто ждёт опасности с любой стороны.

Но опасность находится выше.

Мой взгляд скользит вниз – по жёлтому платью, обтягивающему изящные, хрупкие формы. Мелани настолько худая, что кажется: подует ветер – и её унесёт. Девушка замечает моё внимание. Смотрит прямо на меня. Не отвожу взгляда. Напротив, смотрю в ответ с нескрываемым интересом, наслаждаясь тем, как румянец на её щеках становится ярче. Бёдра неуклюже двигаются не в такт музыке. Руки девушки судорожно теребят ремешок сумки.

Улыбка расцветает на моих губах. Дьявол... она такая невинная и до болезненного прекрасная.

Её подруга, резко дёрнув Мелани за руку, бросает на меня злобный, угрожающий взгляд. Ухмыляюсь ещё шире. Ребекка та ещё штучка. Она точно вымотает Райану все нервы. Говоря о нём, он появляется рядом, делает глоток виски и прожигает взглядом дыру в той самой «голу-

боглазой опасности». Это мой шанс. Украсть с танцпола солнце. Хлопаю Райана по плечу, давая всё понять без слов, и направляюсь к лестнице.

– Куда ты? – окликает он, притворяясь, что не понял меня.

– Помогаю тебе, – бросаю через плечо.

Райан только ухмыляется в ответ.

Спускаясь, бросаю последний взгляд вниз. Мелани танцует ещё более скованно. Её зелёные глаза дрожат от паники.

Чёрт, так и тянет сейчас засмеяться от комичного вида девушки. Она выглядит так, будто увидела Бога. Но нет.

Я не Бог.

Я Дьявол, который собирается украсть ангела.

Подхожу ближе. Ребекка смотрит на меня с подозрением, и, зная, кто она на самом деле, всерьёз задумываюсь, не выстрелит ли девушка мне в лоб, если сделаю что-то не так. Но игнорирую все предупреждения её подруги. Даже когда та громко заявляет, что сломает мне руку, если подойду ближе. И всё равно подхожу. Вплотную. Заключая ангела в невидимую клетку между собой и её стервозной подругой. Наклоняюсь к уху Мелани, заглядывая при этом в её сияющие от ультрафиолета в клубе зелёные глаза:

– Я подошёл пожаловаться, – тихо шепчу, касаясь губами кожи девушки, наслаждаясь её мурашками. – Незаконно сиять так ярко.

Мелани, улыбаясь, застенчиво отводит от меня взгляд и отвечает настолько тихо, что едва её слышу:

– Прости, – зелёные глаза снова смотрят в мои, и что-то внутри болезненно сжимается, охватывая паникой. Чёрт. К такому не привык. – Не хотела тебя ослепить.

Последнюю фразу девушка произносит уже увереннее, без прежнего смущения, что умиляет меня.

– Теперь ты мне должна, – говорю с ухмылкой, наклоняясь ещё ближе к ней.

Какая же она маленькая – девушка едва достаёт мне до подбородка.

– Что должна? – спрашивает она, слегка нахмурившись.

Протягиваю руку вперёд, приглашая на танец. Мелани всё понимает без слов и бросает взгляд на подругу, которая всё это время прожигала меня злыми глазами. Получив одобрение и пару угрожающих фраз в мой адрес, наконец чувствую её руку в своей.

Знал, что она не откажет мне. Видел это в её глазах. Несмотря на стеснение, девушка напротив желает острых ощущений. Не хотела бы – не пришла бы в клуб. Не двигалась бы на танцполе так, что все парни вокруг шеи сворачивали, чтобы взглянуть на её сияющий образ в этом мраке.

Но она желает этого. Внимания. Несмотря на страх.

Крепче сжав ладонь девушки, веду нас в конец зоны, туда, где меньше людей.

– Здесь тебе будет комфортно, Мелани? – спрашиваю, когда мы достигаем конца зала.

Оборачиваюсь к ней. На лице застыло непонимание, брови нахмурились.

– Откуда ты знаешь моё имя?

Блядь.

– Услышал, как тебя называла подруга.

После моего ответа хмурый взгляд остаётся, но Мелани лишь коротко кивает.

– А как зовут тебя?

Помещение наполняет медленная музыка, и пары вокруг начинают кружиться в объятиях, которые едва ли можно назвать танцем. Кладу руку на талию Мелани, мягко притягиваю к себе и медленно двигаюсь в такт музыке. Почувствовав, как её дыхание сбивается, победно ухмыляюсь. Её смущение – как отдельный вид искусства.

– Алекс, – отвечаю, переплетая наши пальцы.

Это действие заставляет её слегка приоткрыть губы от волнения.

– Красивое имя, – тихо произносит девушка, немного запинаясь и наконец поднимая на меня свои великолепные глаза. – Как и ты.

Её последние слова заливают и так красное лицо ещё большим румянцем, а переплетённые с моими пальцы дрожат. Едва сдерживаю смех.

– Ты считаешь меня красивым?

Мелани улыбается, её дыхание учащается – смущение от сказанных слов охватывает её с головой.

– Когда наши взгляды встретились, я подумала, что ты похож на греческого бога, – выпаливает девушка, затем закрывает глаза, тяжело вздыхает и тихо бормочет: – Дура, что ты несёшь.

Сдерживая смех, убираю руку с её талии и тянусь к золотистым волосам, которые с первой секунды привлекли моё внимание.

– Когда увидел тебя впервые, единственное, о чём подумал: «Эта девушка выглядит, как ангел».

Мелани замирает, поднимает на меня взгляд – в её глазах недоверие и удивление, словно сказал нечто невозможное.

– Почему ты считаешь, что я похожа на ангела? – голос её дрожит на последних словах.

Накручивая на палец прядь её волос, рассматриваю черты лица, удивляясь тому, что она вообще задала такой вопрос.

– Твои волосы словно поцелованы солнцем. Глаза такие яркие, что сверкают даже в темноте. А улыбка... такая невинная, что вызывает умиление, – её дыхание сбивается, глаза расширяются от удивления. – Ты выглядишь, как божество, Мелани.

Не находя слов, девушка отводит взгляд и замечает, что медленная музыка давно сменилась, а мы всё ещё стоим, обнявшись, как будто время замерло. Надеюсь, что она не заметит это слишком скоро. Хотелось ещё немного подержать солнце в своих руках. Прежде никто, особенно девушки, не вызывали во мне такого интереса.

Была только одна. С чёрными глазами. Но это не то. Её я хотел спасти. А эту девушку... *Я её хочу.*

– Музыка закончилась, – говорит Мелани, слегка отстраняясь.

В её взгляде что-то настороженное. Видимо, мои слова задели её сильнее, чем рассчитывал.

– Отвести тебя к подруге? – нехотя предлагаю, замечая, как её глаза бегают. Она хочет поскорее уйти.

Мелани молча кивает, и беру её за руку, наслаждаясь теплом крошечной ладони. Мы пробираемся сквозь толпу к бару, оглядываясь в поисках Ребекки. Но возле стойки никого похожего нет. Надеюсь, они с Райаном не поубивали друг друга где-то за углом.

– Я её нигде не вижу, – с нотками тревоги в голосе произносит Мелани.

Слегка сжимаю её руку, пытаюсь успокоить.

– Она курит?

Утвердительный кивок.

– Тогда, возможно, она на улице у курилки. Если её и там нет, придётся проверить женскую уборную.

– И как назло, у меня нет её номера, – с досадой выпаливает девушка.

Это вызывает у меня недоумение.

– Вы же подруги?

Мелани пожимает плечами, неуверенно отвечая:

– Мы знакомы всего пару дней.

Интересно... зачем агенту ФБР дружить с семнадцатилетней девушкой и помогать ей с интернатом?

Мы выходим на улицу и обходим угол здания. У курилки только пара нетрезвых девушек и парней. Ни Ребекки, ни Райана.

– Она не могла уехать и забыть тебя предупредить?

– Не думаю, что Ребекка так бы поступила, – твёрдо говорит Мелани, озираясь.

Прислушиваясь, слышу за курилкой тихий плач.

Прикладываю палец к губам, и девушка замолкает, позволяя отвести её в ту сторону.

Вот и наша потеря. Но не одна.

Ребекка сидит на земле, прижавшись спиной к бетонной стене. Лицо спрятано в коленях, плечи вздрагивают. Рядом, с опущенной головой, молчит Райан.

– Что с ней? Ей, наверное, нужна помощь, – встревоженно говорит Мелани.

Мягко оттягиваю её назад.

– С ней рядом Райан. Она будет в порядке, – не знаю, что у них произошло. Но точно уверен в том, что до слёз её довёл не мой друг. Он на это не способен. – Не стоит вмешиваться. Если они скрылись, значит, не хотели, чтобы их тревожили.

Мелани отпускает мою руку и с удивлением на лице спрашивает:

– Ты знаешь Райана?

Да. Мы вместе разрушили жизнь бывшей управляющей твоего интерната.

– Мы лучшие друзья.

Она прикладывает ладонь к щеке, всё ещё удивлённая. И, чёрт, такая милая.

– Как тесен мир.

Не представляешь, насколько.

Мелани нервно трогает прядь волос, не зная, куда себя деть. Её взгляд мечется по сторонам.

– Что нам теперь делать? Я не попаду в квартиру без Ребекки.

Зелёные глаза наполнены неуверенностью, а голос дрожит от волнения.

– Я уже отправил сообщение Райану. Он позвонит, когда Ребекка придёт в себя.

Облегчённо вздыхает.

– Спасибо, – отвечает Мелани и смотрит на меня.

Потом закусывает губу, снова отводит взгляд.

Чёрт.

Её невинный жест и эта губа – как вызов. Как грех, который хочется совершить.

– Но что мы будем делать всё это время? Ждать их тут?

Улыбаюсь. Искренне, не прячу удовольствие. Мне выпала возможность, которую не собираюсь упустить.

– Прогуляемся?

Мелани поднимает прищуренный взгляд:

– А это безопасно?

Не выдерживаю и смеюсь. Она произнесла это с такой наигранной подозрительностью, словно маленький ребёнок, решающийся на авантюру. Меня резко накрывает желанием встать перед ней на колени прямо здесь, на тротуаре, и покорить эту детскую наивность. Но лишь сокращаю расстояние между нами. Медленно наклоняюсь к её уху, позволяю горячему дыханию скользнуть по её шее. Её тело мгновенно покрывается мурашками.

– Безопасно? – хрипло шепчу, касаясь кончиками пальцев пряди её золотистых волос. – Ангелу никогда не быть в безопасности рядом с Дьяволом.

Глава 11

Замигает свет – Kentukki

Тот яркий цветок во тьме, туманом поглощённый,

Я искал тебя везде

Я нашёл тебя во тьме

Мелани, 17 лет

Дьявол сказал, что мне небезопасно быть рядом с ним, но...

Я всё равно пошла с этим парнем по тёмным улицам парка, а теперь стою возле ларька, ожидая свой кебаб и зелёный чай.

Рассчитываясь, Алекс забирает наш заказ и кивает в сторону ближайшей лавочки. Мы вместе идём туда в напряжённом молчании. Я не знаю, что сказать, когда он смотрит на меня так, будто я действительно божество. Что-то нереальное и прекрасное.

«А может, он просто псих, который собирается изнасиловать тебя в этом парке, а потом порезать на кусочки?» – мысленно корю себя, оглядываясь по сторонам.

– Ты боишься? – внезапно спрашивает Алекс, когда мы подходим к лавочке.

Я вздрагиваю всем телом, когда сажусь, и наши взгляды сталкиваются.

Нет, он точно не маньяк.

Такие ведь не могут быть настолько прекрасными?

– А ты точно не обидишь меня? – тихо спрашиваю, закусывая до боли нижнюю губу.

Боже, всегда несу такой бред, когда нервничаю.

Алекс мягко улыбается и протягивает мне кебаб и тёплый чай.

– Нет, Мелани, – его голос резко становится серьёзным и холодным. – Я не тот человек, у которого когда-либо появится желание тебя обидеть.

Делая глоток чая, задумываюсь. У меня нет никаких причин верить этому парню, но всё равно почему-то согласилась на эту прогулку. Ведь на самом деле мне так сильно не хватает в моей скучной и тяжёлой жизни настоящих эмоций. Последняя прогулка с парнем закончилась для меня драмой с матерью, но её больше нет, и она велела мне жить дальше. Может, наконец, пора?

– Честно? С трудом верится, – решаю быть откровенной с незнакомцем. – Мужчины всегда хотят обидеть слабых девушек, чтобы самоутвердиться.

Джон обижал меня постоянно. Словами и руками.

Алекс делает огромный укус кебаба, и проходят долгие секунды, прежде чем получаю ответ – с ухмылкой. С ухмылкой, которая заставляет сжаться моё сердце, а пульс ускориться.

– Я разве похож на того, кому нужно самоутверждаться за счёт маленьких девочек? – его голубые глаза смотрят в мои, и мурашки покрывают кожу. – Насколько мне не изменяет память, ты назвала меня Богом, а боги не обижают ангелов.

У меня вырывается смешок.

Если быть точнее, назвала его греческим богом... Но это была первая мысль, которая пришла в голову, когда наши взгляды пересеклись. У Алекса резкие черты лица, ледяные голубые глаза и белоснежные волосы, собранные в хвост на затылке. Интересно, его тело соответствует внешности? Есть ли у него пресс? Если есть, то сколько кубиков?

Чёрт, Мелани, выбрось эти мысли!

– Ты думаешь о том, такое же ли у меня тело, как у всех греческих богов? – вдруг спрашивает он.

Кебаб застревает у меня в горле, и начинаю громко кашлять. Алекс со смехом похлопывает меня по спине, зачарованно разглядывая моё лицо. Я вся горю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.